

ДАНИЭЛА СТИЛ

Дар

ЭКМО

Даниэла Стил

Дар

«ЭКСМО»

1994

Стил Д.

Дар / Д. Стил — «Эксмо», 1994

Любящих супругов Лиз и Джона постигла страшная трагедия – умерла маленькая Энни, и все в семье Уиттейкеров пошло вкривь и вкось, до тех пор... пока в доме не появилась подруга их сына Томми. Юная Мэрибет тоже пережила горе – за единственное пылкое свидание с едва знакомым парнем ей пришлось расплачиваться по самой дорогой цене. Трогательная любовь-дружба между Томми и Мэрибет и забота о будущей юной маме захватила Лиз, заставив забыть свое горе. И когда на свет появилась девочка, Лиз приняла этот великий дар, который послала ей судьба!

© Стил Д., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Даниэла Стил

Дар

Доставшимся мне в жизни дарам – моему мужу Джону, всем моим детям, всем ангелам, которые прошли через мою жизнь быстрым или медленным шагом, и всем тем благам, которые они мне принесли.

Со всей любовью, Д. С.

Глава 1

Энни Уиттейкер любила все, что было связано с Рождеством. Ей нравился сам воздух, атмосфера ожидаемого праздника, царящая повсюду, нравились ярко освещенные елки на газоне перед каждым домом и опоясанные гирляндами лампочек Санта-Клаусы на крышах. Она любила рождественские гимны, и ожидание прихода Санта-Клауса с подарками, и посещение катка, и неизменную чашку горячего шоколада.

Что может быть лучше, чем сидеть рядом с мамой, есть хрустящую кукурузу и во все глаза смотреть на рождественскую елку, увешанную разноцветными фонариками? На Рождество мама разрешала ей ложиться попозже, и уже в предрождественские дни сердце пятилетней девочки наполнялось восторгом и нетерпеливым ожиданием.

Когда Энни родилась, Элизабет Уиттейкер исполнился уже сорок один год, и эта беременность явилась для нее сюрпризом.

К тому времени она уже давно перестала мечтать о втором ребенке.

Их первенцу Томми исполнилось десять лет, и после многочисленных попыток супругов завести второго ребенка Уиттейкеры смирились с мыслью, что он будет их единственным сыном.

Томми рос замечательным мальчиком – у Джона с Элизабет никогда не возникало с ним проблем. Он играл в футбол и бейсбол в Малой лиге, каждую зиму подтверждая свой статус лучшего игрока в хоккейной команде. Он делал все, что от него требовалось, – хорошо учился в школе, любил родителей, и у них никогда не было повода заподозрить в нем какое-либо отклонение от нормы, мелкие недостатки у него были, и Томми вряд ли можно назвать образцовым ребенком, но он вполне заслуживал того, чтобы считаться хорошим мальчиком.

От Лиз он унаследовал светлые волосы, а от отца – ярко-голубые глаза. У Уиттейкера-младшего было здоровое чувство юмора и острый ум, и после естественного шока, вызванного сообщением родителей, он легко смирился с появлением на свет младшей сестренки.

И в течение пяти с половиной лет после ее рождения ему казалось, что в их семье поселилось маленькое солнышко. Энни была живой непоседливой девочкой, фонтанирующей самыми невероятными идеями, и всякий раз, когда она играла с Томми, по всему дому раздавались взрывы оглушительного смеха.

Каждый день девочка с нетерпением ждала его прихода из школы, а потом шла с братом на кухню, где их уже ожидали приготовленные заботливой рукой матери свежие булочки и молоко. После рождения Энни Лиз оставила преподавание и только изредка заменяла в школе заболевших учителей. Она говорила, что хочет проводить со своим ребенком каждую минуту, расти и познавать мир вместе с дочерью. Они все время были вместе.

Тем не менее Лиз находила время для того, чтобы в течение двух лет работать добровольцем в медицинском училище, а теперь она помогала вести художественные занятия в детском садике, который посещала в первой половине дня Энни. Вернувшись домой, они вместе пекли булочки, хлеб и бисквиты или Лиз часами читала дочери книжки, удобно устроившись на диване.

В их доме царила теплая атмосфера; каждый из четырех членов семьи чувствовал себя защищенным от всех невзгод, которые происходят с другими людьми. Джон хорошо обеспечивал своих домашних, возглавляя самую крупную в штате базу оптовой торговли, что позволяло им вести более чем достойный образ жизни. Он унаследовал семейное дело довольно рано и весьма преуспел в нем.

У Уиттейкеров был красивый дом в одном из лучших районов города. Их нельзя было назвать богатыми людьми, но положение Уиттейкера не могли поколебать ветры перемен, неиз-

бежно затрагивающие фермеров, благополучие которых зависело от капризов природы, и многих других людей, чей бизнес был связан с изменениями конъюнктуры. Вкусная еда нужна была всем, и Джон Уиттейкер был всегда готов снабдить ею своих клиентов. Он добился многого в своем бизнесе и справедливо надеялся, что рано или поздно Томми станет его преемником.

Но до этого Томми должен был поступить в колледж. И Энни тоже – Джон хотел, чтобы его дочь была такой же умной и образованной, как и жена. Энни, вслед за мамой, хотела стать учительницей, но Уиттейкер-старший мечтал о том, чтобы она выучилась на врача или адвоката. Для 1952 года это была достаточно высокая планка, но Джон уже позаботился о том, чтобы отложить крупную сумму на образование дочери. Деньги на колледж для Томми он начал копить еще несколько лет назад, так что с финансовой точки зрения никаких проблем с образованием у них возникнуть не могло.

Джон был человеком, который привык верить в исполнение своих мечтаний. Он всегда говорил, что всего можно добиться, если очень сильно захотеть и если приложить к этому усилия. А уж в трудолюбии ему нельзя было отказать.

Лиз всегда ему помогала, но теперь он был очень рад тому, что она сидела дома. Джон любил, приходя домой под вечер, заставить жену в детской, где мать и дочь самозабвенно играли в куклы. Его сердце наполнялось теплом при виде этих идиллических сцен. Это был счастливый сорокадевятилетний человек, у которого была очаровательная жена и двое потрясающих детей.

– Куда вы все подевались? – крикнул Джон из холла, стряхивая снег со своей шляпы и пальто и отмахиваясь от собаки, которая встречала хозяина, радостно виляя хвостом и оскальзываясь в лужицах, оставленных его ботинками.

Эта породистая собака – большой ирландский сеттер – носила имя Бесс, в честь жены президента. Сначала Лиз протестовала, считая, что это неуважение к миссис Трумэн, однако имя настолько подходило собаке и настолько прилипло к ней, что никто не помнил, как ей, собственно, его дали.

– Мы здесь, – откликнулась Лиз, и Джон прошел в гостиную, где его жена и дочь вешали на елку фигурные имбирные пряники.

Они пекли и украшали их разноцветной глазурью целый день, а пока пряники сидели в духовке, Энни вырезала бумажные цепи.

– Привет, папа! Тебе нравится?

– Очень.

Он улыбнулся ей и, подхватив на руки, легко поднял девочку вверх.

Джон был сильным мужчиной – недаром в его жилах текла ирландская кровь. У него были черные волосы, ничуть не поседевшие к пятидесяти годам, и ясные голубые глаза, которые он передал обоим своим детям. У Лиз при светлых волосах глаза были светло-карими, почти ореховыми. А прелестные волосы Энни были пшенично-золотистыми, что делало ее похожей на ангела.

Улыбаясь друг другу, отец и дочь шутливо потерлись в знак приветствия носами. Потом он усадил Энни рядом с собой и потянулся поцеловать жену. Прожив много лет рядом, они смогли сохранить свежесть чувств.

– Как прошел день? – ласково спросила Лиз.

Они были женаты уже двадцать два года, сыграв свадьбу через два года после того, как Лиз окончила колледж, и за исключением тех редких случаев, когда жизненные невзгоды донимали их, они казались страстно влюбленными друг в друга.

К моменту их женитьбы Лиз уже работала учительницей, а Джон взял на себя управление семейным делом.

Их долгожданный первенец появился на свет только через семь лет супружества, когда Лиз и Джон успели распрощаться с надеждой иметь ребенка. Старый доктор Томпсон так и

не смог установить, почему она не способна забеременеть или выносить дитя. До рождения Томми у Лиз было три выкидыша, поэтому долгожданное событие было воспринято супругами как настоящее чудо. И еще большим чудом и благословением было последовавшее через десять лет рождение Энни. Дети давали им такую радость, которую нельзя было сравнить ни с чем.

– Я получил сегодня партию хороших апельсинов из Флориды, – сказал Джон, сев в кресло и взяв в руки трубку. В камине уютно горел огонь, и в доме вкусно пахло имбирем и ванилью. – Завтра я принесу немного домой.

– Здорово! Я так люблю апельсины!

Энни захлопала в ладоши и забралась к отцу на колени. Бесс тоже попыталась к ним присоединиться, положив передние лапы на ноги своего хозяина. Однако собаку пришлось отогнать – сверху спустилась Лиз, чтобы наградить мужа еще одним поцелуем и предложить стакан горячего сидра.

– Пожалуй, я не откажусь.

Джон улыбнулся и последовал за ней в кухню, задержав шаг, чтобы в который раз полюбоваться ее по-прежнему стройной фигурой. Энни держала его за руку, а через минуту входная дверь хлопнула, и на пороге появился Томми с замерзшим носом, красными щеками и коньками в руках.

– М-м-м... Как хорошо пахнет... Привет, мама, привет, папа... эй, малявка, а ты что сегодня делала? Ела мамины пряники?

Он взъерошил сестренке волосы и стал растирать замерзшие щеки и уши. На улице крепчал мороз, а снегопад все усиливался.

– Я пекла пряники вместе с мамой... и съела только четыре, – с достоинством ответила Энни, и все остальные рассмеялись.

Девочка была настолько очаровательна, что никто – ни боготворившие ее родители, ни даже старший брат, до недавних пор скептически относившийся к девчонкам, – не мог противостоять ее обаянию. Однако Энни вовсе не была испорчена, просто ее не покидало ощущение того, что она всеми любима. Это, в свою очередь, проявлялось в ее отношении к миру и к жизни вообще. Она любила каждого, кто встречался ей на пути, обожала смеяться, играть и бегать так, чтобы ее волосы развевал ветер. Она любила возиться с Бесс, но еще больше со своим старшим братом. И сейчас Энни с обожанием посмотрела на него, взяв у него из рук изрядно заезженные коньки.

– А мы пойдем завтра кататься? – спросила она.

Неподалеку от дома был пруд, и Томми часто брал сестренку с собой по субботам.

– Только если прекратится снегопад. Снегу навалило столько, что ты и катка не найдешь, – невнятно пробормотал Томми, рот которого был набит воздушным, восхитительным печеньем, которое, наверное, могла печь только его мать.

Лиз сняла фартук и осталась в опрятной блузке и серой юбке. Джон никогда не отказывал себе в удовольствии отметить про себя, что фигура жены ничуть не изменилась с того момента, когда он в первый раз встретил ее в старших классах школы. Она была значительно младше его, и он некоторое время стеснялся признаться кому бы то ни было в том, что влюблен в такую юную девочку. Однако одноклассники быстро поняли, что к чему. Сначала они смеялись над ними, но вскоре привыкли.

На следующий год Джон оставил школу и пошел работать к своему отцу, а она сдала выпускные экзамены и поступила в колледж. Учеба заняла семь лет, и еще два года Лиз проработала учительницей. Он терпеливо ждал ее, ни на минуту не сомневаясь, однако, что результат стоит ожидания. Все, чего им обоим хотелось, приходило к ним не сразу – как их дети. Теперь же супруги Уиттейкеры были счастливы. У них было все, о чем они только могли мечтать.

– У меня завтра днем будет игра, – мимоходом обронил Томми, вытащив из вазочки еще два печенья.

– Накануне елки? – удивленно спросила Лиз. – У нас, между прочим, перед Рождеством полно других дел.

Обычно они всегда посещали игры Томми, если только им не мешало что-нибудь серьезное. Джон тоже играл в хоккей и футбол и любил это занятие. Лиз относилась к увлечению сына спортом менее восторженно, опасаясь всевозможных травм. Несколько мальчиков из школьной команды уже оставили свои зубы на хоккейной площадке, однако Томми был осторожен, и ему везло. Ни переломов, ни серьезных повреждений ему переносить не приходилось – лишь несколько растяжений и ушибов, которые, по словам его отца, были необходимой частью мужского занятия.

«В конце концов, он мальчик, и его нельзя всю жизнь держать в тепличных условиях», – говорил Джон. Но Лиз тайно признавалась себе, что она была бы не прочь построить такую теплицу. Она очень дорожила своими детьми и не хотела, чтобы что-нибудь случилось с ними или с Джоном. Лиз умела ценить дарованное ей счастье.

– У тебя уже начались каникулы? – с интересом спросила Энни.

Том кивнул с важным видом. На каникулы у него было намечено множество планов; немаловажную роль в них играла некая девочка по имени Эмили, на которую он положил глаз еще в День Благодарения. Она совсем недавно переехала в Гриннелл из Чикаго. Мама ее работала медсестрой, а отец был врачом. Она была очень хорошенькая – настолько, что Томми несколько раз приглашал ее на свои хоккейные игры. Однако пойти дальше он пока не решался. В праздники Томми намеревался пригласить ее в кино и, может быть, даже отпраздновать с ней Новый год – если у него, конечно, хватит смелости.

Зоркой Энни было прекрасно известно, что ему нравится Эмили. Как-то раз на катке, где Эмили каталась с подружками и одной из своих сестер, она видела, какими глазами Томми уставился на предмет своей страсти и как стремительно он покатился ей навстречу. Энни в общем-то не возражала против этой привязанности, однако она не понимала, почему ее брат так сходит с ума по этой девочке, лично она не находила в ней ничего примечательного. У Эмили были длинные и блестящие черные волосы, и она неплохо каталась на коньках. Она мало говорила с братом, только стреляла в него глазками, но при этом изо всех сил старалась показать, как ей нравится малышка Энни.

– Это потому, что она в тебя влюбилась, – знающим тоном объяснила ему Энни на обратном пути.

– С чего ты взяла? – спросил Томми как можно более спокойным голосом, пытаясь скрыть свое смущение.

– Она строила тебе глазки все время, пока мы катались, – сказала Энни, привычным жестом забрасывая непослушную прядь за плечо.

– Что значит «строила глазки»?

– Ты сам прекрасно это знаешь, так что не притворяйся. По-моему, она от тебя без ума. Поэтому-то Эмили так вокруг меня и увивается. У нее тоже есть младшая сестра, но с ней она обращается совсем по-другому. Говорю тебе, ты ей нравишься.

– Что-то вы много стали понимать в жизни, Энни Уиттейкер. Не пора ли вам вернуться к вашим куклам? – насмешливо спросил сестренку Томми.

Пытаясь сделать вид, что его совершенно не занимают ее слова, он напомнил себе о том, что ему абсолютно не важно, как он выглядит в глазах этой пятилетней малышки.

– А ведь тебе она тоже нравится, правда? – продолжила подтрунивать Энни.

– Слушай, какое тебе дело? Не суй нос куда не надо! – огрызнулся Томми.

Это был тот редкий случай, когда он говорил с ней резко, однако Энни не обратила никакого внимания на его тон.

– По-моему, ее старшая сестра гораздо симпатичнее, – глубокомысленно изрекла она.

– Я буду иметь это в виду, если вздумаю поухаживать за старшекласницей.

– А чем тебе не нравятся старшекласницы? – удивилась Энни, поставленная в тупик этим возрастным разграничением, пока не доступным ее пониманию.

– Да ничем. Просто им всем по семнадцать лет, – объяснил он, и Энни машинально кивнула, хотя слова брата мало проясняли ситуацию.

– Тебе виднее, – вздохнула она. – Тогда ухаживай за Эмили.

– Спасибо за разрешение.

– Не за что, – серьезно сказала Энни.

Они уже подходили к дому, где их ждал горячий шоколад и огонь в камине. Несмотря на замечания сестры о том, что ее не касалось, Томми любил проводить с ней время. В ее обществе он всегда чувствовал себя горячо любимым и очень значительным человеком. Она боготворила его и была невероятно ему преданна. Энни восхищалась им, а он отвечал ей искренней любовью.

Перед сном она устроилась у него на коленях, чтобы послушать свои любимые сказки. После того как Томми дважды прочитал ей самую короткую из них, мама отвела малышку в детскую. Когда они остались вдвоем, Томми завел с отцом мужской разговор. Сначала они говорили о состоявшемся месяц назад избрании президентом США Эйзенхауэра и о тех изменениях, которые это может за собой повлечь. А потом разговор сам собой перескочил на бизнес, как это обычно и случалось. Отец хотел, чтобы Томми получил научную степень в сельском хозяйстве и в экономике. Они оба верили в немудреные, но важные вещи: семью, детей, святость брачных уз, честность и идеалы дружбы. Горожане любили и уважали семейство Уиттейкеров, а про Джона всегда говорили, что он хороший семьянин, прекрасный человек и замечательный работник. Оставшись довольными разговором, отец и сын пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам.

* * *

Этот вечер Томми провел с одним из своих друзей. Погода была настолько неприятной, что он даже не стал просить у отца машину, дойдя до дома приятеля пешком и вернувшись в половине двенадцатого.

Родителям не приходило в голову беспокоиться о Томми. В пятнадцать лет он приобщился к взрослой жизни, и это кончилось тем, что на пути домой его рвало в отцовской машине от чрезмерного количества выпитого пива. Конечно, Лиз и Джона это не обрадовало, но у них хватило ума не делать из этого трагедии. Он был хорошим парнем, и они знали, что каждый ребенок рано или поздно пройдет через подобные приключения.

Джон в свое время грешил этим гораздо больше, особенно когда Лиз училась в колледже. Иногда она подтрунивала на эту тему, на что он неизменно говорил, что является образцом добродетели; в ответ на это жена обычно скептически поднимала бровь, и дело кончалось нежным поцелуем.

Этим вечером они легли спать рано, а утром за окном их ждала настоящая рождественская открытка, белая и прекрасная.

Уже в половине девятого Энни и Томми помогали маме лепить во дворе снеговика. После того как Энни водрузила ему на голову любимую хоккейную каску Томми, брат предупредил ее, что ему придется одолжить ее на время игры.

– Если снеговик разрешит тебе ее взять, я дам знать, – ответила Энни и немедленно оказалась в снегу.

Потом они возились в сугробе до тех пор, пока одежда на них не промокла.

Днем они все отправились посмотреть, как Томми играет в хоккей. Его команда проиграла, но он все равно был в приподнятом настроении. Эмили тоже пришла, правда, в окружении нескольких подруг, к которым она якобы случайно присоединилась. На ней была юбка

из шотландки и высокие ботинки на шнуровке. Ее длинные черные волосы были собраны в конский хвост, а Энни заметила, что она была накрашена.

– Что ты в этом понимаешь? – недоверчиво спросил Томми.

Родители подождали, пока он занесет хоккейное снаряжение в школу, и теперь они возвращались домой все вместе. Эмили со свитой хихикающих подружек уже удалилась.

– Я иногда пользуюсь маминой косметикой, – как ни в чем не бывало ответила Энни.

Отец и сын понимающе переглянулись, ласково глядя на важно шествующую впереди всезнайку.

– Не болтай ерунды, Энни, мама не красится, – убежденно сказал Томми.

– Нет, красится. Она пудрится, румянится и иногда красит губы.

– Правда? – Томми был поражен до глубины души.

Он считал свою маму красивой, но никогда не догадывался о том, что эта красота была отчасти искусственной.

– Иногда мама красит ресницы тушью, но мне она всегда попадает в глаза, и я плачу от этой туши, – добавила Энни, и Лиз рассмеялась.

– Я тоже от нее плачу, поэтому так редко ею пользуюсь.

Потом они поговорили о закончившейся игре и о всякой всячине, после чего Томми снова отправился к кому-то из своих друзей, а его одноклассница пришла посидеть с Энни, чтобы родители могли пойти на рождественскую вечеринку к соседям.

Они вернулись домой к десяти часам, когда их дочь уже мирно посапывала в кровати. На рассвете родителей разбудила нетерпеливая Энни. Девочка поднялась чуть свет, вся трепещущая в преддверии Рождества. Сегодня наряжали рождественскую елку, и она могла думать только о своих просьбах к Санта-Клаусу. Ей очень хотелось куклу от мадам Александр, но она не была уверена, получит ли ее. Кроме того, ей нужны были новые санки и велосипед, однако велосипед она решила попросить на день рождения, поближе к весне.

Казалось, что в этот день надо переделать тысячу вещей, чтобы как следует подготовиться к Рождеству. Завтра они ждали гостей, и мама спешно допекала свои вкусные булочки и печенье. А вечером семейство Уиттейкеров собиралось идти в церковь на рождественскую мессу.

Энни очень любила этот ритуал, хотя и не понимала его до конца. Но ей нравилось идти к церкви по празднично украшенным вечерним улицам, а потом сидеть в тепле между родителями, слушать песнопения и вдыхать запах ладана. В храме к празднику устанавливались красивые ясли с фигурками Иосифа, Марии и окружающих их животных. А в полночь служители клали в ясли младенца. Энни всегда протискивалась в первый ряд зрителей и с любопытством смотрела на маленького Иисуса.

– Совсем как мы с тобой, правда, мама? – спрашивала она, крепко прижимаясь к маминому боку, и Лиз, нагнувшись, целовала ее.

– Совсем как мы, – эхом отзывалась Лиз, в который раз думая о том, как она счастлива. – Я тебя очень люблю, Энни!

– Я тоже тебя люблю, – шептала в ответ девочка.

Этим вечером она снова отправилась на службу вместе с родителями и, сидя между ними, уснула сладким сном. Здесь было так хорошо и уютно – воздух в храме был напоен ароматом хвои, торжественная музыка убаюкивала ее. Она не проснулась даже тогда, когда началась процессия.

Но на обратном пути Энни все же проверила, на месте ли младенец Иисус. Увидев маленькую фигурку, Энни улыбнулась, посмотрела на мать и крепко сжала ее руку. Лиз почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Дочка была для них особым даром, посланным им для того, чтобы приносить в дом радость, тепло и смех.

Они вернулись домой во втором часу ночи. Энни совсем засыпала, и мама немедленно отнесла ее в детскую. Когда Томми зашел поцеловать сестренку на ночь, она уже крепко спала,

тихо посапывая. Ее лоб показался ему горячим, но он не придавал этому значения и не стал беспокоить родителей. Энни выглядела настолько умиротворенной и счастливой, что заподозрить что-либо неладное было невозможно.

Но в рождественское утро малышка проснулась позже обычного и выглядела несколько утомленной. Накануне вечером девочка была настолько сонной, что Лиз сама поставила на крыльцо тарелку с морковью и солью для северного оленя и печенье для Санта-Клауса.

Проснувшись, Энни первым делом проверила, съедены ли их подарки. Она казалась несколько заторможенной и жаловалась на головную боль, но признаков простуды у нее не было, и Лиз подумала, что дочка, скорее всего, подхватила грипп в слабой форме. В последние дни было настолько холодно, что она вполне могла простыть, играя с Томми на улице.

Но к тому времени, когда был подан ленч, Энни выглядела совершенно здоровой. Кукла от мадам Александр, которую принес ей Санта-Клаус, привела девочку в полный восторг; среди подарков были и другие игрушки, и новые санки. Вместе с Томми она отправилась на улицу и гуляла целый час, и, когда вернулась домой, чтобы выпить горячего шоколада, на ее щеках горел яркий румянец и девочка выглядела совершенно здоровой.

– Ну что, принцесса, – сказал ей отец, улыбаясь и набивая новую трубку, которую Лиз выписала ему из Голландии вместе с резной подставкой для трубок ручной работы, – Санта-Клаус был щедр?

– О да! – радостно ответила девочка. – Мне так нравится моя новая кукла, папа.

Энни улыбнулась отцу так, как будто понимала, кто на самом деле подарил ей куклу, хотя, конечно же, она об этом еще не догадывалась. Все домашние тщательно поддерживали миф о том, что подарки приносит щедрый Санта-Клаус, хотя многие ее подружки уже разобрались, в чем дело. Но Лиз настаивала на том, что Санта-Клаус приходит ко всем хорошим детям и даже к некоторым не вполне хорошим, в надежде, что они станут лучше. А Энни, безусловно, была славной девочкой – ее любили не только родные, но и все, кто ее знал.

Днем к Уиттейкерам пришли гости: три семьи, живущие неподалеку, и двое менеджеров Джона с женами и детьми. И вскоре воздух в доме зазвенел от детского смеха. Среди гостей были и ровесники Томми, и он хвастался перед ними своей новой удочкой. Теперь он не мог дождаться весны, чтобы ею воспользоваться.

День прошел прекрасно, а вечером, перед сном, они снова собрались за столом. К праздничному столу Лиз наготовила столько вкусного, что казалось, им не осилить это и за неделю.

– По-моему, я теперь месяц не смогу есть, – сказал Джон, потягиваясь.

Его жена улыбнулась и вдруг заметила, что Энни выглядит очень болезненной. В глазах девочки появился нездоровый блеск, а на щеках алели два ярких пятна, как будто она намазалась мамиными румянами.

– Ты что, опять лазила в мою косметичку, маленькая кокетка? – спросила Лиз, не сумев скрыть беспокойства за шутливым вопросом.

– Нет... но падал снег... и потом я...

Энни выглядела смущенной. Она посмотрела на Лиз с удивлением, так, словно сама не знала, что говорит, и это испугало ее.

– Ты плохо себя чувствуешь, киска?

Наклонившись к дочери, Лиз потрогала ее лоб и обнаружила, что девочка вся горит. А ведь весь день она казалась такой счастливой. Она играла со своей новой куклой и носилась с подружками по всему дому, как всегда становясь заводилой в новых забавах.

– Не знаю, наверное, – пожалала плечами Энни, вдруг показавшись всем очень маленькой и беззащитной.

Лиз взяла ее на руки и убедилась, что у девочки высокая температура. Она прижала к себе ее пылающее тельце и подумала о том, что надо вызвать врача.

– В рождественский вечер как-то неудобно тревожить людей, – не слишком уверенно произнесла она.

И, кроме того, на улице так похолодало. С севера надвигался циклон, и в метеосводке по радио сообщили, что снегопад будет продолжаться до утра.

– Малышка просто перевозбудилась. Она выспится как следует, и все будет в порядке, – уверенно сказал Джон. По природе своей он был менее беспокойным человеком, чем Лиз. – Просто слишком много впечатлений для одного маленького человечка.

Да и все они в общем-то были слегка возбуждены событиями последних дней – встречи с друзьями, игра Томми, елка и приготовления к Рождеству подействовали на всех. Лиз решила, что, скорее всего, муж прав. Для такой маленькой девочки это было слишком.

– Как насчет того, чтобы проехаться до кровати на папиных плечах?

Энни обрадованно согласилась, но, когда Джон попытался поднять ее, резко вскрикнула и сказала, что у нее болит шея.

– Что это может быть, как ты думаешь? – спросила Лиз, когда он вернулся из детской.

– Ничего страшного – обычная простуда. Такое состояние иногда длится неделями, а в школе вообще все дети болеют, я уверен. Она скоро придет в себя, – заверил он жену, ласково похлопав ее по плечу.

И Лиз понимала, что он, скорее всего, прав, однако страх перед полиомиелитом, туберкулезом и другими страшными болезнями сидел в ней достаточно глубоко.

– Не бойся, все будет в порядке, – повторил Джон, зная, как склонна Лиз к чрезмерному беспокойству. – Я тебе обещаю.

Лиз поднялась из-за стола и пошла поцеловать Энни на ночь. Увидев дочку, она немного успокоилась. Несмотря на то что глаза малышки ярко блестели, лоб был по-прежнему горячим, а лицо – бледным, Лиз решила, что ее состояние не требует срочного обращения к врачу. Возможно, Энни действительно просто устала и перевозбудилась. Джон был прав. Она простудилась или подхватила легкий грипп.

– Спи крепко, а если тебе будет плохо, разбуди нас, – сказала Лиз, укладывая девочку и целуя ее в лоб. – Я тебя очень, очень люблю, солнышко мое... и спасибо тебе за картинку, которую ты мне нарисовала на Рождество. Она мне очень нравится, и я повешу ее в спальне.

Для Джона Энни сделала в подарок пепельницу, раскрасив ее в свой самый любимый ярко-зеленый цвет.

Казалось, что девочка уснула еще до того, как Лиз вышла из комнаты. Помыв посуду, Лиз пришла ее проведать. Температура поднялась еще выше, Энни металась и постанывала во сне, но не проснулась, когда Лиз дотронулась до нее.

Было десять часов вечера, и обеспокоенная Лиз решила, что стоит хотя бы позвонить врачу, чтобы проконсультироваться с ним.

Он оказался дома, и Лиз описала доктору состояние дочери. Она не рискнула разбудить девочку, чтобы поставить ей градусник, но, когда она ложилась спать, у нее было тридцать семь и восемь, что в общем-то не внушало серьезных опасений. Она упомянула о боли в шее, и доктор сказал, что при гриппе подобных болей обычно не бывает. Однако он согласился с Джоном, сказав, что малышка, скорее всего, просто переутомилась и подхватила простуду в эти морозные дни.

– Если завтра утром температура спадет, вы все-таки привезите ее ко мне, Лиз. А если состояние останется прежним, я сам приеду к вам. Позвоните мне, когда она проснется. Но я уверен, с ней все будет в порядке. У меня за последнюю неделю было несколько десятков случаев простуды с резким повышением температуры. Они обычно проходят без всяких серьезных последствий, но болеть ими крайне неприятно. Держите девочку в тепле и следите за температурой. В случае нужды звоните мне, не стесняйтесь.

– Спасибо вам, Уолт.

Уолтер Стоун был их домашним врачом с момента рождения Томми и успел стать им хорошим другом. Как всегда после разговора с ним, Лиз почувствовала себя уверенней. Он, конечно же, был прав. Это была простая простуда, ничего серьезного.

В этот вечер они с Джоном долго сидели в гостиной и разговаривали о друзьях, о жизни, о детях и о том, как они счастливы, как много лет прошло с тех пор, когда они впервые встретились, и какими наполненными были эти годы. Настало время, когда они могли поблагодарить судьбу.

Перед тем как лечь спать, Лиз еще раз зашла к Энни. Температура больше не поднималась, и девочка выглядела менее беспокойной. Она лежала очень тихо и размеренно дышала.

В ногах у нее, как обычно, спала собака. И ни Бесс, ни Энни даже не пошевелились, когда Лиз тихонько притворила дверь и вышла из комнаты.

– Ну как она? – спросил Джон, залезая под одеяло.

– Кажется, лучше, – улыбнулась Лиз. – Я знаю, что это обычное детское недомогание, но все равно слишком волнуюсь и ничего не могу с собой поделать.

– Поэтому-то я тебя и люблю. Ты так хорошо заботишься о каждом из нас. Я даже не знаю, чем я заслужил такое счастье.

– Тебе просто посчастливилось разглядеть во мне свою половину, когда мне было только четырнадцать.

Джон был ее первой любовью и первым и единственным мужчиной. И за долгие годы их знакомства ее любовь к нему превратилась в подлинно глубокое чувство.

– Ты знаешь, ты и сейчас выглядишь ненамного старше четырнадцати лет, – сказал он и мягко притянул ее к себе.

Лиз с готовностью наклонилась к мужу и, пока он медленно расстегивал пуговицы на ее блузке, выскользнула из праздничной бархатной юбки.

– Я люблю тебя, Лиз, – прошептал Джон, уткнувшись в ее шею, и она почувствовала, как в ней поднимается трепетная волна желания. Его руки скользнули к ее напрягшейся груди, а губы властно нашли ее рот.

Они наслаждались близостью друг друга, а потом наконец уснули, удовлетворенные и усталые. Их жизнь была наполнена счастьем, которое они строили в течение многих лет. Они научились ценить и беречь свою взаимную любовь.

Засыпая в его объятиях, Лиз думала о своем супруге. Он крепко прижал ее к себе, обхватив за талию, переплетаясь с ней ногами и уткнувшись лицом в ее чудесные светлые волосы. Так, мирно и спокойно, они проспали до утра. Проснувшись, Лиз накинула халат и первым делом направилась в комнату Энни.

Девочка еще спала. Она лежала в спокойной позе, однако, подойдя ближе, Лиз заметила, что лицо Энни залила смертельная бледность и она дышит с трудом.

Она легонько потрясла ее за плечо, но девочка лишь слабо застонала и не открыла глаз. Сердце Лиз ухнуло куда-то вниз, она снова принялась теребить дочь и громко звать ее по имени.

Томми услышал ее голос раньше, чем Джон, и прибежал взглянуть, в чем дело.

– Что случилось, мама? – встревоженно спросил он, мгновенно уловив ее смятение. Полусонный, взлохмаченный, он стоял на пороге детской в пижаме и ежилась от холода.

– Я не знаю, сынок. Скажи папе, чтобы он немедленно позвонил доктору Стоуну. Я не могу разбудить Энни.

После этих слов у нее потекли слезы. Нагнувшись к лицу дочери, она ощутила слабое, почти неуловимое дыхание Энни, но девочка была без сознания, и Лиз сразу определила, что температура резко подскочила по сравнению со вчерашним вечером. Боясь оставить Энни одну хоть на минуту, она даже не решилась сбегать в ванную комнату за градусником.

– Скорее! – поторопила она Томми и попыталась приподнять дочь.

При ее прикосновении Энни дернулась и приглушенно крикнула, однако не сказала ни слова и даже не открыла глаз. Казалось, она не понимала, что происходит вокруг.

Лиз в полной растерянности сидела на кровати, обняв девочку. Она не знала, как помочь своему ребенку, и сердце ее разрывалось от горя и тревоги.

– Пожалуйста, детка... Пожалуйста, проснись... ну же... я так тебя люблю... Энни, пожалуйста...

Вбежавший в комнату Джон застал жену в слезах.

– Уолтер сказал, что сейчас приедет. Что случилось?

Он тоже выглядел обеспокоенным, хотя и не хотел выдавать жене свое волнение. А Томми выглядывал из-за плеча отца, испуганный и растерянный.

– Я не знаю... У нее очень высокая температура... я не могу разбудить ее... О господи... Джон... пожалуйста... сделай что-нибудь...

Всхлипывая, Лиз сжала пылающее тельце дочки в объятиях. На этот раз Энни даже не застонала. Совершенно безжизненная, она обмякла на руках своей матери, и все трое молча смотрели на нее.

– Все будет в порядке. У детей часто такое бывает. Только что им было плохо, а через два часа смотришь – и они уже играют, как ни в чем не бывало. Ты же сама знаешь... – Джон изо всех сил пытался скрыть охватившую его смертельную тревогу.

– Не говори мне, что я знаю! Что я знаю, так это то, что наша девочка очень больна! – резко вскинулась в ответ Лиз.

– Уолт сказал, что, если понадобится, он отвезет ее в больницу.

Все они понимали, что без таких серьезных мер не обойтись.

– Пойди оденься, – мягко сказал Джон. – Я присмотрю за ней.

– Я ее не оставлю, – твердо ответила Лиз.

Она снова уложила Энни на кровать и нежно погладила ее слипшиеся от пота волосы. Томми смотрел на свою сестренку полными ужаса глазами. Она была такой белой, что могло показаться, будто она умерла, и, только пристально присмотревшись, можно было заметить, что она слабо дышит. Невозможно было поверить в то, что она может проснуться, засмеяться и задать какой-нибудь каверзный вопрос, но ему хотелось верить, что это произойдет.

– Как она могла так быстро разболеться? Вчера вечером Энни была молодцом, – тихо сказал Томми.

– С ней вчера не все было в порядке, но я решила, что это несерьезно.

Лиз с неожиданным упреком посмотрела на Джона, как будто это он был виноват в том, что она не позвала врача накануне. Теперь она с отвращением вспоминала о том, что они занимались любовью как раз в тот момент, когда Энни в своей комнате металась в жару и нуждалась в их помощи.

– Надо было вызвать Уолта вчера.

– Ты же не знала, что она будет в таком состоянии, – успокаивающе сказал Джон, понимая, как жена казнит себя, но Лиз ничего не ответила.

Они услышали, как к дому подъехала машина, и вскоре доктор уже звонил в дверь. Джон кинулся открывать.

На улице было очень холодно, и уже начался обещанный буран. Валил густой снег, и мир снаружи выглядел таким же унылым, как комната Энни.

– Что случилось? Девочке стало хуже? – спросил доктор Джона, пока они поднимались по лестнице в детскую.

– Я не знаю. Лиз говорит, что температура у Энни резко подскочила, и мы не можем ее разбудить.

Оказавшись в комнате Энни, доктор торопливо кивнул Лиз и Томми и сразу занялся маленькой пациенткой. Он потрогал ее лоб, пощупал пульс и посмотрел зрачки. Послушав

девочку стетоскопом и проверив некоторые из ее рефлексов, Уолтер с встревоженным видом повернулся к близким девочки, с тревогой наблюдающим за его манипуляциями.

– Я должен немедленно отвезти ее в больницу и сделать анализ спинномозговой жидкости. Я опасюсь, что это менингит.

– О боже!

Лиз не знала точно, что это за болезнь, но предчувствовала, что такой диагноз ничего хорошего им не сулит. О серьезности положения свидетельствовал не только вид Энни, но и беспокойство врача.

– Она выздоровеет? – еле слышно шепнула Лиз, сжав руку Джона.

Стоявший в дверях Томми не сводил со взрослых испуганных глаз. Ожидая ответа доктора, Лиз чувствовала, как глухо бьется ее сердце. Уолтер так давно был их другом, но сейчас, когда от его ответа зависела судьба Энни, он казался ей врагом.

– Я не знаю, – честно ответил он. – Девочка серьезно больна. Я немедленно отвезу ее в больницу. Кто-нибудь из вас поедет со мной?

– Мы поедем оба, – твердо сказал Джон. – Через минуту мы будем готовы. Томми, побудь пока с доктором и Энни.

– Я... папа... – Казалось, слова застревали у мальчика в горле, а слезы катились по лицу так быстро, что он не успевал вытирать их, – я тоже хочу поехать, и... я должен там быть.

Джон хотел было возразить, но потом кивнул. Он понял, как тяжело будет сыну оставаться в неведении в опустевшем доме. Он знал, что Энни значила для старшего брата, как и для всех них. Они не могли позволить себе потерять ее.

– Иди одевайся. – Он повернулся к доктору: – Мы будем готовы через минуту.

Войдя в спальню, Джон застал Лиз уже почти готовой. Наспех одевшись в первые попавшиеся под руку вещи и торопливо причесав волосы, Лиз схватила сумку и пальто и поспешно вернулась в комнату Энни.

– Как она? – с трепетом спросила она с порога, словно надеясь, что за время ее отсутствия произошло чудо.

– Никаких изменений, – тихо сказал врач.

Он постоянно проверял ее дыхание, пульс и прочие важные параметры. Кровяное давление девочки снижалось, пульс был слабым, и она все глубже погружалась в кому. Уолтер понимал, что в больницу нужно попасть как можно скорее, но он знал также и то, что даже в больнице врачи мало что смогут сделать с менингитом.

Через секунду в дверях появился Джон, а в следующее мгновение – Томми в хоккейной форме: это было первое, что попало ему на глаза в его шкафу.

– Поехали, – сказал Джон, беря дочку на руки.

Лиз завернула ее в два теплых одеяла. Энни пылала от жара, личико осунулось и было невероятно бледным. Лоб был сухой, губы посинели. Подойдя к машине доктора, Джон с Энни на руках сел на заднее сиденье. Лиз устроилась рядом с ним, а Томми расположился спереди. В этот момент Энни слабо пошевелилась и снова затихла, и на всем пути в больницу она больше не подавала признаков жизни.

В машине царил напряженное молчание. Лиз неотрывно смотрела на свою дочь, ощущая собственное бессилие. Она несколько раз коснулась лба дочери, и исходивший от него жар привел ее в ужас.

Джон донес дочь до приемного покоя «Скорой помощи», где уже ждали предупрежденные Уолтером по телефону медсестры. Когда у девочки брали пункцию спинного мозга, Лиз стояла рядом с операционным столом, словно ее присутствие могло облегчить страдания дочери. Врачи просили ее удалиться, но она отказалась наотрез.

– Я останусь здесь, с ней, – с яростью в голосе сказала она.

Медсестры переглянулись, и доктор кивнул.

* * *

Ожидание казалось им бесконечным. К трем часам дня они получили подтверждение предварительного диагноза. У Энни был менингит.

За это время температура поднялась еще выше. Теперь у нее было сорок один и шесть, и все попытки хоть как-то сбить температуру ни к чему не приводили.

Энни лежала в детской палате, на высокой кровати, окруженной многочисленными приборами, а родители и брат молча стояли рядом, не сводя с нее глаз. Изредка она тихо постанывала, но не просыпалась и не шевелилась. Врач тщательно осмотрел ее. Состояние Энни его беспокоило, и он не стал обнадеживать встревоженных родителей. Он понимал, что, если в ближайшее время температура не спадет и девочка не придет в сознание, помочь ей будет практически невозможно. Вернуть ее к жизни или вылечить было не в его силах. Все было в руках судьбы.

Пять с половиной лет назад девочка стала для родителей подарком судьбы, неся им любовь и радость, а теперь этот дар ускользал от них, и никто не мог этому воспрепятствовать. Оставалось только молиться, надеяться на чудо и просить ее не покидать их. Но она, казалось, ничего не слышала.

Стоя рядом с кроватью, Лиз всматривалась в неузнаваемо изменившееся лицо своей дочки и сжимала ее пылающую маленькую ручку. Она безотлучно находилась при девочке. Джон и Томми поочередно держали малышку за другую руку, а потом выходили в коридор, не в силах смотреть на ее мучения. Никогда раньше ни отец, ни сын не чувствовали себя настолько беспомощными. Мужчины, казалось, смирились с ее судьбой, но Лиз, которая категорически отказывалась отойти от кровати дочери, была исполнена упрямой и мрачной решимости.

У нее было чувство, что, если она покинет Энни хотя бы на минуту, битва за ее жизнь будет проиграна. Нет, она не отпустит ее во тьму без борьбы – она вцепится в нее, удержит и отобьет ее у смерти.

– Мы любим тебя, детка... мы все так тебя любим... папа, и Томми, и я... ты должна проснуться... ты должна открыть свои глазки... давай, мое солнышко... давай... я знаю, что ты можешь. Ты обязательно выздоровеешь... Это просто коварный вирус... но ведь ты его победишь, правда? Давай, Энни... давай, котенок... пожалуйста...

Она часами без устали разговаривала с находящейся в беспмятстве дочерью и даже к вечеру отказалась выйти из палаты. В конце концов Лиз все же села на предложенный стул, по-прежнему держа Энни за руку.

Лиз то молчала, сгорбившись у постели девочки, то снова начинала говорить с ней, и Джон все чаще и чаще выходил в коридор, не в силах вынести этот кошмар.

Вечером медсестры увели из палаты Томми, потому что мальчик был не в себе – видеть, как мама умоляет сестру вернуться к жизни, а та остается безмолвной и безжизненной, было выше его сил. Видя, что происходит с отцом и матерью, он не мог справиться со своим отчаянием. Томми стоял рядом с кроватью и всхлипывал, а у Лиз не хватало сил успокоить его. Минуту они постояли обнявшись, а потом он дал себя увести. Энни мать была нужнее. Оставить девочку она боялась даже на минуту, а с Томми она поговорит позже.

Следующий час казался вечностью. Энни вдруг издала слабый стон, и ее ресницы вздрогнули. Лиз показалось, что она вот-вот откроет глаза, но этого не произошло. Вместо этого девочка снова застонала и слабо сжала руку матери.

Затем она разлепила веки, как будто просто проснулась дома от обычного сна, и посмотрела на маму ясным взглядом.

– Энни? – прошептала Лиз, потрясенная и взволнованная. В ее сердце затеплилась надежда на лучшее.

Знаком она подозвала Джона, который вернулся в палату и стоял у дверей.

– Здравствуй, моя дорогая девочка... Папа и я здесь, и мы очень тебя любим.

Джон подошел к кровати, и теперь они стояли по обе ее стороны. Малышка не могла повернуть голову, но было ясно, что она видит родителей и узнает их. Она выглядела сонной и слабой, на мгновение девочка снова закрыла глаза, а затем медленно открыла их и улыбнулась.

– Я вас тоже люблю, – еле слышно произнесла она. – А где Томми?

– Он тоже здесь.

По щекам Лиз текли слезы. Она поцеловала девочку в лоб, понимая, что, может быть, это последняя возможность показать дочери свою любовь. Джон тоже не мог удержаться от слез. Они слишком сильно ее любили, и он готов был отдать все, только бы спасти свою малышку.

– Люблю Томми... – едва слышно сказала Энни, – и вас очень люблю...

Лицо ее, такое милое и нежное, осветила ясная улыбка. С разметавшимися по подушке светлыми волосами, большими голубыми глазами, казавшимися неестественно огромными, Энни выглядела такой хорошенькой, такой родной! Она улыбалась родителям так, будто знала какую-то неведомую им тайну.

В палату вошел Томми и сразу же увидел, что сестренка пришла в себя. Она взглянула в изножье кровати и улыбнулась брату. Он подумал, что это признак выздоровления, и вздохнул с облегчением.

А Энни, словно бы почувствовав, что уже сказала самое важное, почти беззвучно выдохнула:

– Спасибо... всем вам...

Она закрыла глаза и снова провалилась в сон, измученная разговором.

Томми вышел из палаты радостным, но Лиз с трепетом чувствовала, что тут что-то не так, что это не признак улучшения. Она смотрела на дочь и с ужасом сознавала, что та ускользает от них в неведомый мрак.

Подаренный им судьбой ребенок безвозвратно уходил от них. Ее у них забирали. Энни пробыла с ними так недолго, что теперь Лиз казалось, будто эти пять с половиной лет пролетели, как один миг.

Она держала Энни за руку и не отрываясь смотрела на нее, а Джон в волнении мерил шагами палату. Томми задремал на стуле в коридоре, обессиленный событиями этого бесконечного дня.

И около полуночи Энни покинула их навсегда. Она больше не открывала глаз. Она больше не просыпалась. Энни сказала им все, что нужно было сказать... сказала каждому, как она любит его... и даже поблагодарила их...

Им только оставалось в ответ поблагодарить ее. Спасибо тебе... за пять чудесных лет... пять коротких, незаметно пролетевших лет... спасибо тебе за яркую маленькую жизнь, подаренную нам так ненадолго.

Лиз и Джон были рядом с дочерью, когда она умерла; они держали ее за руки – не для того, чтобы не пустить ее во тьму смерти, но чтобы поблагодарить за все, что она дала им. Они знали, что не могут помешать ей уйти из жизни, – они просто хотели быть с ней до самой ее смерти.

– Я люблю тебя, – прошептала Лиз в последний раз, когда дыхание девочки остановилось. – Я люблю тебя, – эхом повторила она.

Энни покинула их, улетела на крыльях ангелов. Небеса забрали свой дар обратно. Энни Уиттейкер стала духом.

А ее брат, ни о чем еще не зная, спал в коридоре, вспоминая ее и думая о ней, и сердце его переполнялось любовью, как и у его родителей. Ему снился день накануне Рождества, когда они с сестрой, лежа в снегу, изображали ангелов – и теперь она действительно стала одним из них.

Глава 2

Смесью боли, чувства безвозвратной потери и тихой скорби стали для них похороны любимой Энни.

До Нового года оставалось два дня. Пришли все их друзья и друзья Энни, их родители, школьные учителя и воспитатели из детского сада, помощники и служащие Джона, однокурсники Лиз.

Уолтер Стоун тоже пришел. Он сказал безутешным родителям, что не может простить себе того, что не приехал в тот рождественский вечер, что позволил уверить себя в том, что это только простое детское недомогание, – а он не должен был этого делать.

Впрочем, он признался, что вряд ли смог бы чем-нибудь помочь даже накануне рокового дня. Большинство заболевших менингитом маленьких детей умирали.

Лиз и Джон просили его не упрекать себя, однако сама Лиз простить себе не могла, что не позвала доктора сразу же, как только заметила у дочери первые признаки недомогания. Джон точно так же корил себя за свои слова о том, что не стоит беспокоиться по пустякам. Они оба с тяжелым чувством вспоминали о своей ночи любви. Они получали удовольствие в объятиях друг друга, в то время как их малышка металась в своей кровати в жару.

И Томми, которому было не в чем упрекать себя, тоже чувствовал свою ответственность за ее смерть, хотя в этом не было его вины, так же, как и вины его родителей.

Как сказал в тот печальный день священник, Энни на короткое время стала даром для каждого из них – маленьким ангелом, которого послал к ним бог, нежным другом, научившим их любви и сделавшим их ближе друг к другу.

И это действительно было так. Каждый пришедший вспоминал озорной смех Энни, огромные голубые глаза, сияющее личико, при взгляде на которое любой человек начинал улыбаться и навсегда проникался к этой девочке любовью. Никто не сомневался в том, что это был дар любви для каждого из столкнувшихся с нею.

Теперь надо было свыкнуться с потерей и понять, как жить без нее. Им всем казалось, что смерть ребенка – это напоминание о грехах взрослых, предостережение о том, какие утраты подстерегают нас на каждом шагу. Это потеря всего – надежды, жизни, будущего, потеря тепла, потеря самого дорогого, что может быть у человека.

Этим холодным декабрьским утром на свете не было трех более одиноких людей, чем Лиз, Джон и Томми Уиттейкеры. Поеживаясь, стояли они на краю могилы, в окружении друзей, не находя в себе сил оторваться от нее навсегда, бросить любимую Энни одну в белом, маленьком, усыпанном цветами гробу.

– Я не могу... – чужим голосом сказала Лиз Джону после окончания службы.

Он мгновенно понял, о чем она говорит, и крепко сжал ей руку, боясь, что она забьется в истерику. Каждый из них в эти дни находился на грани нервного срыва, и сейчас Лиз было совсем плохо.

– Я не могу оставить мою девочку здесь... я не могу...

Она захлебывалась рыданиями, и Джон, несмотря на ее сопротивление, крепче прижал жену к себе.

– Ее здесь нет, Лиз, она ушла... ей сейчас хорошо.

– Ей плохо. Она моя... Я хочу, чтобы она вернулась... Я хочу, чтобы она вернулась, – повторяла она, всхлипывая.

Друзья начали постепенно расходиться, не зная, чем можно помочь безутешным родителям. Невозможно было найти нужные слова, облегчить боль или утешить их. Томми стоял рядом с ними и смотрел на родителей. Боль и тоска по Энни переполняли его.

– Как ты, сынок? – обратился к Томми, который уже не пытался скрыть текущие по щекам слезы, его хоккейный тренер.

«Ничего», – хотел было ответить мальчик, но слова застряли у него в горле, он только покачал головой и в порыве отчаяния припал к широкой груди своего наставника.

– Я знаю, я знаю... Я потерял сестру, когда мне был двадцать один год, а ей было пятнадцать... это ужасно... это действительно ужасно. Помни о ней всегда... Энни была такой милой крошкой, – говорил он, успокаивающе похлопывая Томми по плечу. – Помни ее, сынок. Всю твою жизнь она будет сопровождать тебя... дарить тебе свои маленькие подарки. Ангелы всегда дарят подарки... ты просто не всегда это замечаешь. Но они не оставляют тебя. Она здесь, близко. Говори с ней, когда остаешься в одиночестве... она услышит тебя... и ты услышишь ее... ты никогда ее не потеряешь.

С минуту Томми смотрел на него недоверчивым взглядом, не ожидая услышать подобные слова от тренера, а затем кивнул.

Джону наконец удалось увести жену от могилы. Когда Лиз шла к машине, ноги у нее подкашивались и она буквально висла на нем. Лицо Джона посерело, и на обратном пути никто из них не произнес ни слова.

Люди шли к ним весь день, принося цветы. Некоторые оставляли цветы на крыльце, боясь потревожить несчастных родителей или взглянуть им в глаза.

Но тем не менее в доме все время был кто-нибудь из посторонних. Были и такие люди, кто старался остаться в стороне, словно боясь, что и с ними произойдет нечто подобное – как будто трагедия может быть заразной.

Лиз и Джон сидели в гостиной, опустошенные и безжизненные, пытаясь сказать каждому пришедшему хоть несколько вежливых слов; и когда наконец стемнело и настала пора запирать входную дверь и можно было уже не брать телефонную трубку, они с облегчением вздохнули.

Томми весь день сидел в своей комнате, не желая никого видеть. Пару раз он заходил в комнату сестренки, но у него не было сил смотреть на эту привычную обстановку, в которой уже не прозвучит залихватистый смех Энни, не раздадутся ее легкие шаги. В конце концов он захлопнул дверь, чтобы не видеть всего этого.

Перед глазами у него стояло ее лицо в то последнее утро, когда до ее ухода из жизни оставались лишь считанные часы, – такое болезненное, безжизненное и бледное. Ему трудно было вспомнить, как она выглядела, когда была здоровой и смеялась или играла вместе с ним. Внезапно Томми с поразительной четкостью увидел лицо сестренки на больничной подушке, эти последние минуты, когда она поблагодарила их всех и покинула навсегда. Ее нежные слова, ее ясный взгляд, прощальная улыбка преследовали его.

Почему она умерла? Почему это произошло? Почему бог вместо Энни не забрал его?

Но Томми никому не говорил о своих чувствах. Ни он, ни его родители до конца недели почти не разговаривали друг с другом. Лиз и Джону иногда приходилось беседовать с друзьями, а Томми замкнулся в себе и вообще ни с кем не общался.

* * *

На этот раз Новый год в семье Уиттейкеров ничем не отличался от других будничных дней и прошел незамеченным. Через два дня Томми вернулся в школу. Никто из ровесников не говорил с ним о постигшем его семью несчастье. Его хоккейный тренер обращался с ним очень доброжелательно, но больше не упоминал ни своей умершей сестры, ни Энни.

Друзья боялись растрогать его рану и молчали, и в результате ему некуда было податься со своим горем. Даже Эмили, которая нравилась ему уже несколько месяцев, показалась ему совсем чужой. Все напоминало ему о том, что он утратил, и он не мог этого вынести.

Томми возненавидел эту постоянную, подобную ноющему суставу боль и то, что окружающие смотрели на него с сочувствием. Может быть, его друзья считали его странным. Они ничего не говорили ему и в итоге оставили его одного.

Его родители тоже внезапно стали очень одинокими. После того как иссяк поток соблазнительных посетителей, они перестали с кем-либо видеться. Они и друг с другом-то почти не виделись.

Томми больше не обедал с ними. Он просто не мог сидеть за столом без Энни, каждый раз вспоминая, как они торопились на кухню, чтобы перекусить вместе молоком и булочками. Он не выдерживал самого вида вдруг опустевшего дома.

Поэтому Томми болтался в школе или на улице как можно дольше, а затем съедал обед, который мама оставляла ему на кухне. В большинстве случаев он ел стоя, прямо над плитой, и выкидывал половину своей обычной порции в мусорное ведро, не потому что Лиз стала плохо готовить – просто кусок не лез ему в горло. А иногда он уединялся в своей комнате со стаканом молока и печеньем и совсем не обедал. Его мать, казалось, вообще ничего не ела, а отец приходил с работы все позже и позже и тоже старался уединиться. Настоящие семейные обеды ушли в далекое прошлое.

Лиз, Джон и Томми боялись сходитья вместе и всячески избегали этого. Они понимали, что, если соберутся все втроем, отсутствие четвертого члена семьи станет невыносимым. Поэтому они прятались друг от друга и от себя самих.

Все напоминало им об утрате, все бередило свежую рану. Бывали мгновения, когда боль словно бы утихала, но чаще всего для каждого из них она была почти невыносимой.

Тренер по хоккею видел, что с Томми происходит что-то неладное; перед зимними каникулами это заметила и одна из учительниц. В первый раз за все время учебы в школе он совершенно не думал о своих отметках – без Энни эта сторона жизни, подобно всем прочим, потеряла для него значение.

– Уиттейкер совсем выбит из колеи смертью своей сестренки, – как-то раз сказала классная руководительница Томми учительнице математики. Они сидели в школьном кафетерии и пили кофе. – Я собиралась на прошлой неделе позвонить его матери, а потом встретила ее в торговом центре. Она выглядит еще хуже, чем он. По-моему, они слишком тяжело переживают смерть своей чудной девочки.

– А кто это переживет легко? – сочувственно откликнулась учительница математики. Она сама была матерью и не могла представить себе, как бы вынесла такое. – Что, у Томми совсем плохи дела? Он завалил какой-нибудь предмет?

– Пока нет, но все идет к этому, – честно ответила классная руководительница. – Он всегда был одним из лучших моих учеников. Я знаю, как высоко ценят образование его родители. Его отец даже как-то обмолвился, что собирается отправить его в колледж Айви Лиг, если Томми захочет и сможет туда поступить. Теперь у него это вряд ли получится.

– Я уверена, что он может выправиться. Ведь прошло совсем немного. Со временем боль утихнет. Дай мальчику шанс. Я думаю, что мы должны оставить его и его родителей в покое и посмотреть, как он закончит год. Мы всегда можем позвонить им, если Томми действительно не сдаст экзамена или запустит какой-нибудь предмет.

– Я просто смотреть не могу на то, как он мучается.

– Может быть, у него сейчас просто нет выбора. Может быть, в нем происходит что-то серьезное, какая-то внутренняя борьба за выживание. Наверное, это для него сейчас главное. Может быть, я не должна этого говорить, но в жизни есть более важные вещи, чем история или тригонометрия. Пусть мальчик переведет дыхание и восстановит душевное равновесие, мы должны помочь ему чем только можем.

– Уже три месяца прошло, – напомнила классная руководительница. – Пора бы уже примириться с потерей...

Был поздний март. Эйзенхауэр уже два месяца жил в Белом доме, вакцина Салка против полиомиелита успешно прошла испытания, Люсиль Болл наконец-то родила своего широко разрекламированного ребенка. Жизнь стремительно шла вперед – но только не для Томми Уиттейкера. Его жизнь остановилась вместе со смертью Энни.

– Знаешь, если бы это был мой ребенок, я бы за всю жизнь с этим не смирилась, – мягко сказала более добросердечная учительница.

– Я понимаю.

Обе помолчали, думая о своих семьях, и к концу ленча решили оставить Томми в покое на некоторое время.

Но его угнетенное состояние заметили все. Казалось, что его вообще ничего не интересует. Этой весной Томми даже не играл в баскетбол и бейсбол, несмотря на увещевания тренера. Он перестал прибираться в комнате и делать уроки; в первый раз за всю жизнь перестал ладить со своими родителями.

Да и они сами совершенно не ладили друг с другом. Мама и папа постоянно спорили, и не было момента, чтобы один из них не выговаривал какие-нибудь претензии другому. Супруги Уиттейкер перестали мыть машину, выкидывать мусор, выгуливать собаку, оплачивать счета, отправлять чеки, покупать кофе, отвечать на письма. Это все потеряло для них смысл – казалось, что единственным занятием для них стали постоянные споры. Отца никогда не бывало дома. Мама никогда не улыбалась.

И никто не говорил друг другу ни одного доброго слова. Они выглядели не печальными, а скорее озлобленными. Они словно были смертельно обижены друг на друга, на весь мир, на жизнь, на судьбу, которая так жестоко забрала у них Энни. Но об этом они никогда не говорили – лишь вздыхали и жаловались по любому поводу, например из-за непомерно большого счета за электричество.

Томми избрал для себя самый легкий выход и просто перестал с ними общаться. Большую часть свободного времени он проводил в саду, сидя на ступеньках заднего крыльца и размышляя. Он начал курить. Иногда даже пил пиво.

Весь месяц шли дожди, и один вечер плавно перетекал для Томми в другой – все те же ступени, все то же пиво, все тот же «Кэмел». Он чувствовал себя ужасно повзрослевшим и однажды даже улыбнулся мысли о том, что, если бы Энни сейчас его увидела, она бы его не узнала. Но сестренка не могла его увидеть, а его родителей больше не волновало, что с ним происходит и что он делает. И потом, ему уже исполнилось шестнадцать. Томми вырос.

* * *

– Меня мало волнует, что тебе уже шестнадцать, Мэрибет Робертсон, – сказал одним мартовским вечером отец своей шестнадцатилетней дочери.

Дело было в Онаве, штат Айова, в двухстах пятидесяти милях от того места, где Томми с банкой пива сидел на заднем крыльце своего дома, рассеянно наблюдая за тем, как ветер пригибает к земле когда-то посаженные его матерью цветы, теперь заросшие сорняками.

– Я не разрешу тебе надеть это легкомысленное платье. И потом, что это за боевая раскраска? Немедленно смой косметику и переоденься.

– Но, папа, это весенний бал, – запротестовала Мэрибет. – И все девочки красятся и надевают короткие выпускные платья.

Подружка ее брата два года назад, то есть как раз в ее возрасте, выглядела гораздо более вульгарно, чем она, и даже отец не мог с этим поспорить. Но она была девушкой Райана, а Райану было позволено все. В отличие от Мэрибет он был мальчиком.

– Если ты вообще хочешь сегодня выйти из дома, ты должна надеть скромное платье. В противном случае ты останешься здесь и будешь вместе со своей матерью слушать радио, – пригрозил строгий отец.

С одной стороны, Мэрибет не особенно тянуло на вечер, но, с другой, среднюю школу оканчивают только раз в жизни. Лучше уж остаться дома, чем идти на выпускной бал в платье, которое сделает ее похожей на монашку; но и сидеть с родителями у радиоприемника ей совсем не хотелось.

Мэрибет одолжила платье у старшей сестры своей подруги, и оно было ей немного велико, но все равно казалось прекрасным. Сшитое из переливчатой голубой тафты, с заниженной талией и коротким жакетом-болеро сверху, оно прекрасно подчеркивало ее формы, которыми она отнюдь не была обделена, и именно против этого, вне всяких сомнений, папа и возражал.

Вдобавок Мэрибет надела туфли на шпильках, которые, будучи на размер меньше, сильно жали ей, но она готова была это стерпеть, лишь бы выглядеть красивой и взрослой.

– Папа, я не буду снимать жакет, – попыталась найти она компромисс. – Я тебе обещаю.

– С жакетом или без ты можешь носить это платье дома, с матерью. Если же ты идешь танцевать, надень лучше что-нибудь другое или забудь про всякие танцы. И, честно говоря, я был бы рад, если бы ты осталась дома. В этих модных платьях все девочки выглядят как... продажные девки. Тебе не надо демонстрировать свое тело мальчикам, Мэрибет. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше, иначе ты приведешь домой какое-нибудь отродье, помани мое слово, – жестко произнес отец, и сестра Мэрибет, Ноэль, отвела глаза.

Ей было только тринадцать, и у нее был такой бунтарский характер, о котором Мэрибет могла только мечтать. Они обе были послушными девочками, но Ноэль хотела получить от жизни больше, чем Мэрибет. Уже в тринадцать лет младшая сестра стреляла глазками в каждого мальчика, который обращал на нее внимание.

Шестнадцатилетняя Мэрибет была куда застенчивее и гораздо больше беспокоилась о том, чтобы не противоречить отцу.

В конце концов Мэрибет отправилась в свою комнату и с плачем повалилась на кровать.

Прибежавшая к ней мама помогла дочери найти в платяном шкафу что-нибудь подходящее. Маргарет Робертсон не баловала своих девочек обилием нарядов, но у Мэрибет было вполне приличное темно-синее платье с белым воротником и длинными рукавами, к которому отец не должен был придираться.

Но лишь при одном виде этого наряда Мэрибет зашлась от нового приступа рыданий. Он был слишком угрюмым.

– Мама, я буду выглядеть как монашка. Надо мной просто будут смеяться.

Ей казалось, что сердце ее вот-вот разорвется от горя. Это платье Мэрибет всегда ненавидела.

– Ты будешь выглядеть в нем оригинально именно потому, что мало кто такое носит, – сказала мама, протягивая дочери злополучное платье.

Его можно было даже назвать красивым, но и оно немного пугало миссис Робертсон. Мэрибет в этом скромном на вид платье выглядела совсем зрелой женщиной. В шестнадцать лет она была счастливой – или несчастной – обладательницей великолепной груди, узких бедер, тонкой талии и красивых длинных ног. Даже самая скромная одежда не могла этого скрыть. Она была выше большинства своих подруг и вообще очень рано развилась.

На то, чтобы уговорить дочь надеть это платье, ушел целый час.

Отец в это время сидел в гостиной, немилосердно пытая зашедшего за Мэрибет Дэвида О'Коннора. Молодой человек в первый раз был у них дома и очень нервничал, когда мистер Робертсон начал интересоваться тем, какой работой ему хотелось бы заниматься после окончания школы. Юноша ответил, что еще не решил, и тогда Берт Робертсон разразился длинной

тирадой: любому парню не помешает немного поработать да и армейскую выучку тоже очень полезно получить, чтобы понять в жизни толк.

Дэвид О'Коннор вежливо кивал в ответ на его разглагольствования, но, когда Мэрибет в ненавистном синем платье и с ниткой жемчуга на шее, которую мать дала ей в утешение, наконец-то вошла в комнату, взгляд ее кавалера был полон отчаяния.

Вместо ярко-голубых шпилек на ней были темно-синие туфли на низком каблуке, но даже в них она была выше Дэвида. У Мэрибет совсем испортилось настроение, хотя она попыталась уверить себя, что это не имеет никакого значения. Она прекрасно понимала, что выглядит ужасно. Темное платье резко контрастировало с ярким пламенем ее рыжих волос, заставляя ее еще больше стесняться своего вида.

Поздоровавшись с Дэвидом, она поняла, что никогда не чувствовала себя более неловко.
– Ты прекрасно выглядишь, – неубедительно сказал Дэвид.

На нем был слишком большой для него темный костюм его старшего брата. Дэвид протянул ей букетик, но его руки слишком дрожали, и тогда мама Мэрибет пришла ему на помощь и приколотла цветы к поясу платья.

– Ну, счастливого вечера, – мягко сказала мать, чувствуя свою вину перед дочерью.

Будь на то ее воля, она бы позволила девочке надеть ярко-голубое платье. Оно так шло ей, и она выглядела в нем такой красивой! Но если Берт принял решение, спорить с ним было бесполезно. Она прекрасно знала, как он пекся о своих дочках.

Много лет назад две его сестры забеременели, будучи совсем молоденькими, и были вынуждены спешно выскочить замуж, и он всегда говорил Маргарет, что не допустит, чтобы подобное произошло с его дочерьми, чего бы ему это ни стоило. Они должны были вырасти скромными, послушными девочками и выйти замуж за достойных молодых людей. Он всегда говорил, что в его доме нет места разврату, внебрачному сексу и прочим гадостям.

Только любимчику родителей Райану разрешалось делать что угодно. В конце концов, он был мальчиком. Ему исполнилось восемнадцать, и он работал в принадлежащей отцу мастерской авторемонта, самой крупной в Онаве. Дела у Берта Робертсона шли прекрасно, и он очень гордился этим.

Райану нравилось работать у него, и сын хвастался, что он почти такой же хороший механик, как его отец. Они ладили между собой и по выходным часто отправлялись на рыбалку или охоту, а Маргарет, оставаясь с девочками дома, шла с ними в кино или занималась шитьем.

Она ни одного дня в жизни не работала, и Берт очень этим гордился. Богатым человеком назвать его было нельзя, но он вполне мог ходить по городу с гордо поднятой головой.

Его дочь – не какая-нибудь нищенка, чтобы одалживать платье у подружки, и не шлюха, чтобы отправляться на школьную вечеринку разодетой, что твой павлин. Мэрибет была красивой девочкой, но именно поэтому ее надо было держать взаперти, чтобы ее не постигла участь легкомысленных, пустоголовых теток.

Сам он женился на очень скромной девушке – до знакомства с ним Маргарет О'Брайен мечтала стать монахиней. И вот уже почти двадцать лет она была для него прекрасной женой. Но он никогда бы не повел ее под венец, если бы она была такой расфуфыренной штучкой, которую из себя пыталась строить Мэрибет, или пробовала бы спорить с ним, как Ноэль.

Несмотря на то, что особых проблем с Мэрибет у него никогда не возникало, Робертсон-старший еще несколько лет назад пришел к выводу, что с сыном сладить гораздо проще, чем с дочерью, у которой возникали странные идеи о том, что можно и что нельзя делать женщинам, о дальнейшем образовании и даже колледже.

Школьные учителя совсем вскружили девочке голову, постоянно повторяя ей, как она умна. Берт считал, что в женском образовании нет ничего плохого, если только вовремя остановиться и правильно его использовать. Он часто говорил, что для того, чтобы менять пеленки и жарить бифштексы, не нужно оканчивать колледж.

В принципе он не имел ничего против элементарного образования и был бы только рад, если бы Мэрибет изучила бухгалтерский учет и помогала ему в работе. Но по большей части сумасшедшие идеи дочери были совсем из ряда вон выходящими. Женщины-врачи, инженеры, адвокаты, даже медсестры – такой судьбы Берт не пожелал бы своей девочке. О чем она, черт побери, толкует?

Иногда он удивлялся своей старшей дочери. У него были твердые понятия о том, как девочки должны вести себя, чтобы не исковеркать свою жизнь или жизнь других людей. Они должны выходить замуж за достойных молодых людей, быть покладистыми женами и рожать детей – столько, сколько даст им Господь или сколько захотят их мужья. А потом они должны заботиться о своих мужьях и детях и о своем доме, да так, чтобы все было пристойно.

Райана он тоже воспитывал в строгости, предупредив сына о том, что он не должен жениться на первой попавшейся девчонке и не должен допускать того, чтобы девушка, на которой он жениться не собирается, забеременела от него.

Но девочки – это совсем другое дело. Они должны вести себя как следует... а не ходить на танцы полуголыми или нервировать родителей идиотскими идеями о высоком предназначении современных женщин. Иногда Берт думал, что во всем виноваты фильмы, на которые его дочери ходили вместе с матерью. Сама Маргарет ничего подобного внушить им не могла. Она была тихоней, которая никогда не доставляла ему никаких неприятностей. Но Мэрибет... Она была послушной девочкой, однако Берт был твердо убежден, что эти новомодные идеи рано или поздно доведут ее до большой беды.

Мэрибет и Дэвид добрались до школы примерно через час. Похоже, по ним никто из одноклассников не скучал. Несмотря на то что пить на танцах не разрешалось, некоторые мальчики и даже девочки из их класса уже были навеселе. В припаркованных машинах сидели парочки, но Мэрибет старалась этого не замечать, стесняясь Дэвида.

Она почти не знала этого тихого мальчика из параллельного класса и никогда не была его подружкой, но до него никто не приглашал ее на танцы, а ей очень хотелось пойти – хотя бы для того, чтобы иметь представление, что это такое.

Мэрибет уже устала быть вечной одиночкой и белой вороной. Уже несколько лет она была первой ученицей в классе; некоторые из ее одноклассников ненавидели ее за это, а остальные просто не замечали.

Кроме того, Мэрибет всегда стеснялась своих родителей, когда те приходили в школу. Мать вела себя тихо, как мышь, а отец, наоборот, разговаривал очень громко и учил жить всех окружающих, и в первую очередь мать, которая никогда не осмеливалась противоречить ему. Она соглашалась с каждым его словом, даже если он заведомо был не прав.

А отец никогда не стеснялся высказывать свое мнение, даже если оно никого не интересовало, в особенности о предназначении женщин, их роли в жизни, о приоритете мужчин и никчемности образования. В качестве примера Берт Робертсон всегда приводил самого себя.

Он был сиротой из Буффало и вместо того, чтобы окончить шесть классов, пошел работать. Берт считал, что дальше начальной школы учиться не нужно никому, и то, что брат Мэрибет окончил-таки среднюю школу, иногда казалось ей чудом.

Правда, учился Райан ужасно, его постоянно наказывали за дурное поведение, но, поскольку это был его собственный сын, а не девочка, отец считал это всего лишь забавным. Если бы не плоскостопие и не поврежденное во время игры в футбол колено, Райан мог бы стать моряком и отправиться в Корею.

Мэрибет не о чем было говорить с братом. Ей всегда казалось, что два таких разных человека не могут быть детьми одних родителей и вообще появиться на свет на одной планете.

Райан был смазливый, высокомерный и довольно-таки недалеким парнем. Трудно было предположить, что они близкие родственники.

– А что вообще тебя интересует? – однажды спросила она брата, пытаясь разобраться, кто он такой и какое отношение имеет к ней.

Райан посмотрел на нее с удивлением, не понимая, зачем она об этом спрашивает.

– Машины, девочки... пиво... удовольствия... Папа говорит, что я должен как следует изучить механику. Это хорошо... потому что я вряд ли буду работать в банке или в страховой компании. На самом деле мне очень повезло, что я работаю у папы.

– Ну да, – тихо кивнула Мэрибет, глядя на него большими зелеными глазами и изо всех сил пытаясь почувствовать к старшему брату уважение. – Но неужели тебе никогда не хотелось добиться чего-то большего?

– Чего-то большего? О чем это ты, сестренка? – недоумевая, переспросил он.

– Да чего угодно. Большого, чем просто работать в мастерской у папы. Например, поехать в Чикаго, или в Нью-Йорк, или найти работу получше... или поступить в колледж...

Это были ее мечты. Это ей хотелось большего, но Мэрибет не с кем было поделиться своими желаниями. Даже ее одноклассницы отличались от нее. Никто не мог понять, почему Мэрибет так серьезно относится к урокам и к своим отметкам, когда вокруг столько всего интересного, веселого и заманчивого? Какое это имеет значение? Для чего все это?

Она точно знала, для чего. Но в результате друзей у нее не было, и Мэрибет вынуждена была ходить на танцы с мальчиками вроде Дэвида О'Коннора.

Но мечты у нее отнять не мог никто – даже отец. Мэрибет хотелось сделать приличную карьеру, переехать в какой-нибудь крупный город, найти интересную работу и получить хорошее образование, если она сможет себе это позволить.

А еще – когда-нибудь выйти замуж за человека, которого она будет любить и уважать. Она не могла представить себе жизни с мужчиной, недостойным ее восхищения.

Повторить судьбу своей матери, связавшей себя с человеком, который не обращал на нее никакого внимания, никогда не прислушивался к ее мнению и даже не интересовался ее мыслями и внутренним миром, ей совершенно не хотелось. Она мечтала и верила, что всего достигнет.

У нее было так много устремлений и идей, что окружающие считали ее сумасшедшей – все, кроме школьных учителей, которые видели способности девочки, ее высокий потенциал и, как могли, помогали ей избавиться от связывающих ее уз. В школе многие преподаватели знали о том, как важно для Мэрибет Робертсон продолжить образование.

Но единственной возможностью выплеснуть свои самые сокровенные мысли, выпустить свою душу из клетки были для нее школьные сочинения на вольную тему. Учителя хвалили Мэрибет за обилие мыслей и идей... но через минуту переходили к скучной школьной программе. Она никогда ни с кем не обсуждала своих планов на будущее и становилась все более замкнутой и одинокой.

– Хочешь пунша? – спросил Дэвид.

– Что? – переспросила Мэрибет, возвращаясь из прекрасного далека своих мечтаний. – Извини... Я думала о другом... Прости, что мой папа тебя сегодня так долго мучил. Понимаешь, мы поссорились из-за платья, в котором я хотела пойти на вечер, и мне пришлось переодеться.

Эти сорвавшиеся с губ слова заставили ее еще больше смутиться.

– У тебя очень красивое платье, – совершенно неискренне ответил Дэвид.

Мэрибет прекрасно понимала, что он лжет. Синее платье было настолько старомодным и строгим, совершенно не подходящим к атмосфере школьного выпускного бала, что требовалась немалая смелость, чтобы появиться в нем.

Но она привыкла быть смешной и отличаться от других. Или должна была привыкнуть. Ее всегда считали не такой, как все. Именно поэтому Дэвид О'Коннор чувствовал себя так уверенно, приглашая Мэрибет Робертсон на танцы. Он знал, что никто другой из одноклассников и не подумает это сделать.

Она была красивой, но очень странной – так говорили все вокруг. У нее были ярко-рыжие волосы, великолепная фигура и развитые формы, но, кроме школы, ее ничто не интересовало, и с мальчиками она никогда не гуляла. За Мэрибет никто не ухаживал, слишком серьезной и неприступной она выглядела.

Дэвид решил, что она ему не откажет, и оказался прав. Он был из тех мальчиков, которые не увлекаются спортом и сильно страдают из-за своего маленького роста и шуплого сложения. Кого еще он мог пригласить, кроме Мэрибет Робертсон? Разве что совсем некрасивых девочек, с которыми даже в люди выйти стыдно. Да и Мэрибет ему на самом деле нравилась.

Дэвид даже не слишком испугался ее отца. Пока он ждал ее, папаша, конечно, заставил его попотеть, и он уже начал думать, что ему придется весь вечер провести в его обществе, но тут она наконец появилась в этом своем темно-синем платье с белым воротником. И выглядела она в нем вполне нормально. Даже этот угрюмый наряд не мог скрыть ее прекрасную фигуру. Так что какая разница?

Дэвид мечтал о том, как Мэрибет будет танцевать с ним, касаясь его своим телом. Одна мысль об этом приводила его в возбуждение.

– Пунша хочешь? – повторил Дэвид, и она кивнула.

Ей совсем не хотелось никакого пунша, но Мэрибет не знала, что еще ему сказать. Она уже пожалела о том, что пришла сюда. Надо же было случиться так, что именно этот размазня пригласил ее сюда, да еще это платье... Лучше бы она осталась дома и слушала радио вместе с мамой, как ей и грозил отец.

– Я сейчас приду, – сказал между тем Дэвид и исчез, оставив ее смотреть на танцующие пары. Большинство девочек казались Мэрибет просто красавицами, их платья были самых ярких расцветок, с широкими юбками и короткими жакетами, совсем как то, которое ей не позволили надеть.

Казалось, что прошла целая вечность, пока сияющий Дэвид возник перед ней снова. Он выглядел так загадочно, будто владел какой-то невероятной тайной, и, как только Мэрибет попробовала пунш, она сразу поняла, в чем дело: у пунша был странный вкус, потому что в него явно что-то добавили.

– Что в нем такое? – недоверчиво спросила она, приняв глоток, только подтвердивший ее подозрения.

Мэрибет пробовала спиртное только несколько раз в жизни, но сразу поняла, что кто-то поработал над пуншем.

– Немножко такого особого сока, – ухмыльнулся ее кавалер, сразу став еще более фамильярным и неприятным, чем до своего исчезновения. Этот соплик, смотревший на нее с таким вождением, был ей отвратителен.

– Я не собираюсь напиваться, – спокойно ответила Мэрибет, сожалея о том, что вообще пришла сюда, да еще в его обществе.

Как обычно, она чувствовала себя среди шумных, веселящихся ровесников белой вороной.

– Перестань, Мэрибет, чего ты боишься? – приставал Дэвид. – Не волнуйся, от этого не опьянеешь. Сделай несколько глотков, и тебе сразу будет хорошо.

Приглядевшись к нему, Мэрибет поняла, что он уже успел выпить, когда бегал за пуншем.

– И много ты выпил?

– Ребята из младших классов пьют ром за спортзалом, а у Каннингхэма есть целая пинта водки, – похвастался своими сведениями Дэвид.

– Замечательно! Просто потрясающе! – иронически усмехнулась Мэрибет.

– Правда? – Дэвид довольно улыбнулся, радуясь тому, что она не возражает, и совершенно не замечая сарказма в ее тоне.

Мэрибет смотрела на него со все возрастающим презрением, но он словно бы не видел этого.

– Я сейчас вернусь, – холодно сказала она, чувствуя себя рядом с этим хорохорящимся юнцом слишком взрослой.

Ее рост, женственные формы и манера вести себя постоянно заставляли ее казаться старше своих лет, и по сравнению с ним она выглядела великаншей: хотя в ней был всего метр шестьдесят два, Дэвид был на добрых десять сантиметров ниже.

– А куда это ты? – с беспокойством спросил он.

Они не успели даже потанцевать, а он так на это рассчитывал.

– В туалет, – ледяным тоном ответила Мэрибет, свысока глядя на своего кавалера.

– Я слышал, что там тоже пьют водку.

– Я тебе принесу, – сказала Мэрибет и исчезла в толпе.

Музыканты играли «Холодный вечер», парни и девчонки танцевали, прижавшись друг к другу щеками, и, пробираясь к выходу из спортзала, Мэрибет вдруг почувствовала, как к сердцу подступает печаль. Она прошла мимо группы мальчиков, которые, завидев ее, явно попытались спрятать бутылку. Однако скрывать свое занятие было бесполезно – двоих из них уже рвало у стены. Жизнь в одном доме с братом приучила Мэрибет к этому зрелищу.

Стараясь держаться от них как можно дальше, она завернула за угол и села на скамейку у стены спортзала, чтобы собраться с мыслями и потянуть время до неизбежного возвращения к Дэвиду.

Было ясно, что он собирается напиться, а ей вовсе не хотелось иметь дело с пьяным парнем. Наверное, ей надо просто поскорее пойти домой и забыть об этом неудачном вечере. Она была уверена, что еще несколько стаканов – и Дэвид даже не сможет вспомнить, с кем сюда пришел.

Мэрибет сидела на скамейке довольно долго, успев как следует замерзнуть. Вечер был холодным, но это ее мало беспокоило. Ей было хорошо здесь, вдали от всех – от Дэвида, от ее одноклассников и незнакомых ей ребят, от тех, кто пил, и тех, кого рвало. И от родителей тоже.

Мэрибет вдруг подумала, что хотела бы сидеть здесь вечно. Откинув голову, она закрыла глаза и вытянула ноги. Теперь она словно парила в холодном воздухе, погруженная в свои мысли.

– Что, слишком много выпила? – спросил чей-то голос совсем рядом с ней, заставив ее испуганно вздрогнуть.

Мэрибет открыла глаза и увидела знакомое лицо. Перед ней стоял старшеклассник, звезда школьной футбольной команды, который и понятия не имел о том, кто она такая. Она не могла сообразить, что он тут делает и почему снизошел до того, чтобы с ней поговорить. Может быть, он обознался.

Она выпрямилась и встряхнула головой, думая, что он сейчас уйдет.

– Нет. Просто слишком много народу. И всего остального.

– Да, мне тоже все это изрядно надоело, – ответил парень и уселся рядом с ней, не дожидаясь приглашения.

Даже в неярком свете луны нельзя было не заметить, как он хорош собой.

– Ненавижу толпу.

– В это трудно поверить, – сказала Мэрибет, не скрывая своего удивления.

Она почему-то чувствовала себя странно комфортно рядом с ним – притчей во языцех для всей школы. Впрочем, вся окружающая обстановка – скамейка, тьма, луна – казалась ей нереальной.

– Вокруг тебя всегда крутятся какие-то люди, – продолжила она свою мысль.

– Откуда ты меня знаешь? – Молодой человек выглядел заинтригованным и польщенным. – Кто ты?

– Я Золушка. Мой «Бьюик» только что превратился в тыкву, а мой кавалер только что напился, и я пришла сюда, чтобы поискать свалившийся с ноги хрустальный башмачок. Вы его не видели, любезный господин?

– Может быть, и видел, – подхватил он игру. – Опишите его. А то откуда же я узнаю, что вы действительно Золушка?

Эта странная девушка рассмешила его, и он спрашивал себя, почему раньше ее не замечал. На ней было какое-то нелепое, старомодное платье, но лицо и фигура у нее были очень красивыми, кроме того, она обладала чувством юмора, не спешила виснуть у него на шее, как другие девчонки.

– Ты в выпускном классе?

Он внезапно заинтересовался ею, хотя – и об этом знали все в школе – он еще с младших классов гулял с Дебби Флауэрс. Поговаривали даже, что они собираются пожениться после выпускного бала.

– Еще нет, – ответила Мэрибет с усмешкой, не осмеливаясь солгать своему Прекрасному Принцу.

– Наверное, поэтому я тебя не замечал в школе, – искренне ответил он. – Но выглядишь ты старше.

– Спасибо, – улыбнулась Мэрибет, думая о том, что должна либо вернуться к Дэвиду, либо отправиться домой.

Сидеть здесь наедине со старшеклассником было нехорошо, хотя в его обществе она чувствовала себя очень спокойно.

– Меня зовут Пол Браун, – представился он. – А тебя, Золушка?

– Мэрибет Робертсон. – Она улыбнулась и встала.

– Ты куда?

Пол тоже поднялся с разочарованным видом. Он был высоким, атлетически сложенным и черноволосым.

– Домой.

– Одна?

Она кивнула.

– Проводить тебя?

– Не надо, спасибо.

Мэрибет поверить не могла, что отказывается от общества Пола Брауна, самого известного парня в школе. Кто бы мог предположить такое? Она усмехнулась, подумав о том, какое это достижение и как бы завидовали ей одноклассницы, если бы увидели ее сейчас.

– Слушай, дай я тебя хотя бы до спортзала провожу, – предложил Пол. – Разве ты не хочешь сказать своему спутнику о том, что ты уходишь?

– Да надо бы.

Они вместе подошли к главному входу в спортзал, словно старые друзья. Мэрибет сразу же заметила Дэвида, едва держащегося на ногах, в компании не менее пьяных приятелей. В зале было несколько преподавателей, но никто, казалось, не обращал на них никакого внимания, и все делали что хотели.

– По-моему, моему кавалеру уже ничего не надо говорить, – сдержанно сказала Мэрибет и, остановившись, посмотрела на Пола с улыбкой. В ярком освещении зала его внешность ничуть не проиграла, и она невольно отметила это. – Спасибо за компанию. Я пошла домой.

Вечер пропал. За исключением непродолжительного разговора с Полом Брауном, это было бездарно потерянное время.

– Я тебя так не отпущу, Мэрибет. Давай я отвезу тебя домой, или ты думаешь, что мой «Шевроле» тоже превратился в тыкву?

– Не думаю. Разве ты не Прекрасный Принц? – спросила она насмешливо, но затем внезапно смутилась.

Пол Браун действительно был прекрасным принцем, и она знала, что не должна была этого говорить.

– А разве нет? – усмехнулся он в ответ, такой красивый и утонченный.

Они покинули шумный спортзал, подошли к парковке, и Пол открыл перед ней дверцу машины – безупречно чистого «Белэйра» 1951 года выпуска, с новыми хромовыми ручками и обитыми красной кожей сиденьями.

– Мне нравится твоя тыква, Пол, – поддразнила его Мэрибет, и он засмеялся в ответ.

Она сказала ему, где живет, но Пол предложил ей ненадолго заехать в кафе и взять по гамбургеру и по коктейлю.

– Тебе, похоже, было не слишком-то весело на этой вечеринке. Твой спутник скоро свалится с ног... прости, я, наверное, не должен был этого говорить... но он сегодня плохо за тобой ухаживал. Я уверен, что ты даже не потанцевала. Нельзя же так заканчивать и без того не слишком удачный вечер. Так что ты вполне можешь позволить себе развлечься на пути домой. Ну как, согласна? Еще совсем рано.

Было действительно рано, а она обещала родителям вернуться домой только к полуночи.

– Хорошо, – нерешительно согласилась Мэрибет, потому что ей очень хотелось побыть с ним.

Пол произвел на нее сильное впечатление, хотя она стеснялась признаться в этом. Да иначе и быть не могло, он был классным парнем, не чета Дэвиду О'Коннору.

– Ты что, на танцы пришел без девушки? – спросила она, недоумевающая, что могло случиться с его подружкой Дебби.

– Да, я теперь опять вольная птица.

По ее тону он догадался, что Мэрибет знает о Дебби. Впрочем, все в школе об этом знали. Но два дня назад они поссорились, потому что Дебби узнала о том, что в рождественские каникулы он гулял с кем-то еще.

Однако Мэрибет он не стал об этом рассказывать.

– Похоже, что я не зря пришел сегодня один, а, Мэрибет?

Он обезоруживающе улыбнулся и забросал ее вопросами, желая узнать о своей новой знакомой буквально все. Они ехали в «Уилли», где проводила все свое свободное время золотая молодежь Оनावы.

В кафе на полную громкость играл музыкальный автомат, и от скопления народа яблоку негде было упасть. Казалось, что здесь было еще больше ребят, чем на школьном балу, и внезапно Мэрибет опять застеснялась своего уродливого платья и вообще себя.

Она вдруг почувствовала, что ей только-только исполнилось шестнадцать. А Полу было уже почти восемнадцать. Но он как будто понял ее состояние, ободряюще сжал руку и представил ее всем своим друзьям. Некоторые из них вопросительно подняли брови, словно спрашивая себя, кто она такая, но никто не возражал против ее общества. Поскольку она была гостьей Пола, все обращались с ней очень дружелюбно, и так, за забавными разговорами время пролетело незаметно.

Они съели по чизбургеру и выпили молочный коктейль, а потом несколько раз танцевали под музыкальный автомат. Среди танцев была и пара медленных, когда Пол так тесно прижимал ее к себе, что она касалась его груди и у нее захватывало дух. Внезапно Мэрибет почувствовала его возбуждение и смутилась, но он не дал ей отстраниться и, прижав к себе еще крепче, посмотрел на нее сверху вниз и нежно улыбнулся.

– Где ты скрывалась последние четыре года, милая Золушка? – шепнул ей на ухо Пол, и она улыбнулась в ответ.

– Ты был слишком занят, чтобы заметить такую скромную особу, как я, – честно ответила Мэрибет, и ему понравился ее ответ.

– Похоже, ты права. А я был дураком. Сегодня самый счастливый вечер в моей жизни.

Он снова прижал ее к себе и скользнул губами по ее волосам. В ней было что-то восхитительное – не просто ее гибкое тело или потрясающая грудь, которую он вполне оценил во время танца. Она как-то особенно смотрела на него, особенно отвечала ему. В этой девочке было что-то яркое, дерзкое и смелое – как будто она ничего не боялась.

Пол знал, что она еще совсем юная, что восьмиклассница должна неловко чувствовать себя в обществе такого взрослого многоопытного парня, как он, но она вела себя с ним вполне естественно. Мэрибет совершенно не терялась перед ним, смело говорила то, что думает, и это ему очень нравилось.

Ссора с Дебби больно задела его самолюбие, и Мэрибет была как раз тем бальзамом, который мог успокоить боль его сердечных ран.

Сев в машину, Пол повернулся и посмотрел на свою новую знакомую. Ему не хотелось взять ее домой – слишком уж хорошо было с ней. Мэрибет определенно нравилась ему. Судя по всему, она тоже не слишком рвалась домой.

– Может, покатаемся? – предложил он. – Сейчас только одиннадцать, еще детское время.

Они ушли с танцев так рано, что даже после вечера в «Уилли» у них оставалось в запасе около часа.

– Вообще-то мне пора домой, – неуверенно ответила она.

Пол завел машину и поехал – но не к ее дому, а к парку. Ее это несколько не напугало, она просто не хотела возвращаться домой слишком поздно, чтобы не выслушивать нотаций родителей. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Весь вечер он вел себя с ней как настоящий джентльмен – не в пример Дэвиду.

– Всего один кружок по парку, а потом я отвезу тебя домой, обещаю. Я просто не хочу, чтобы этот вечер кончился. Он стал для меня совершенно особенным, – сказал он со значением, и Мэрибет почувствовала поднимающуюся в ней волну восторга.

Неужели это говорит ей Пол Браун? А что, если это окажется серьезным? Что, если он теперь будет гулять с ней, а не с Дебби Флауэрс? Она не могла верить в подобное чудо.

– Мне с тобой очень хорошо, Мэрибет, – проникновенно произнес Пол.

– Мне тоже. Гораздо лучше, чем на танцах, – засмеялась она.

Еще несколько минут они болтали о всякой всячине, пока он не завез ее в уединенный уголок около озера, где остановил машину и повернулся к ней.

– Ты – особенная девушка, – сказал Пол, и Мэрибет несколько не сомневалась, что он действительно так считает. Открыв ящичек для перчаток, он достал оттуда бутылку джина и протянул ей.

– Хочешь выпить?

– Нет, спасибо. Я не пью.

– Ты что, серьезно? – удивленно спросил Пол.

– Мне не нравится спиртное.

Он подумал, что это весьма странно, но все же продолжал настаивать на том, чтобы она выпила.

Сначала Мэрибет отказывалась, но потом, не желая обидеть его, сделала несколько глотков. Жидкость обожгла ей горло, слезы выступили на глазах, а во рту возникло ощущение сухости. Она почувствовала, как запылали ее щеки, а Пол тем временем обнял ее и поцеловал.

– Может быть, это тебе нравится больше, чем джин? – театральным тоном спросил он ее после второго поцелуя, и она с улыбкой кивнула в ответ, чувствуя себя искушенной, возбужденной и немножко грешницей.

Пол был невероятно обходительным и невыносимо красивым.

– И мне тоже, – прошептал он и, поцеловав ее снова, начал расстегивать пуговицы на ее платье.

Мэрибет пыталась помешать ему, однако его пальцы были проворнее и опытнее, и не успела она оглянуться, как он уже ласкал ее грудь, продолжая целовать ее в губы, и она не знала, как остановить его.

– Пол, не надо... пожалуйста, – тихо произнесла она, своим неуверенным тоном выдавая, что на самом деле ей хочется продолжения.

Мэрибет знала, что должна прервать его, понимала, что позволяет ему перейти границы дозволенного, но была не в силах отказаться от этой сладостной муки.

Пол наклонился и стал целовать ее грудь; не прошло и секунды, как ее бюстгальтер отлетел в сторону, а руки выскользнули из рукавов платья. И снова он целовал ее в губы, а пальцы его тем временем теребили ее соски. Поражаясь самой себе, она застонала; рука Пола скользнула ей под юбку, раздвинув ее инстинктивно сжатые ноги, и быстро и уверенно нашла святая святых.

Мэрибет понимала, что совершает непростительную глупость, что не должна уступать напористому Полу. Но от его прикосновений собственное тело становилось непослушным, от его ласк она испытывала самое настоящее наслаждение, хотя разум ее приказывал ей немедленно остановиться.

Наконец она отпрянула от него, сдерживая дыхание и пытаясь обрести контроль над собой. Посмотрев на Пола с сожалением, она покачала головой, и он понял ее движение.

– Я не могу. Прости меня, Пол.

Она была потрясена тем, что он заставил ее почувствовать. Голова у нее кружилась, по телу пробегали волны дрожи.

– Ничего, – мягко ответил он, – я знаю... Я не должен был этого делать... прости...

Не успев договорить, он поцеловал ее снова, и все повторилось сначала.

На этот раз остановиться было еще труднее, и, когда она наконец оторвалась от него, оба они выглядели весьма растрепанными; одежда была в полном беспорядке, в этот момент Мэрибет в ужасе заметила, что он успел расстегнуть «молнию» на брюках.

Пол взял ее руку и направил к расстегнутой ширинке; она пыталась умерить разгорающийся в ней пыл, но не могла, словно зачарованная его действиями.

Именно об этом ее все предупреждали, именно этого она никогда не должна была делать, но это было настолько захватывающим, что Мэрибет не могла остановить ни себя, ни его.

Внезапно она обнаружила, что неумело ласкает его член; Пол поцеловал ее снова и уложил на сиденье, содрогаясь от желания и возбуждения.

– О господи... я так хочу тебя, Мэрибет... детка... я люблю тебя...

Он задрал ее юбку и спустил свои брюки – как ей показалось, одним движением, – и она почувствовала тяжесть его тела, которое искало ее и отчаянно нуждалось в ней. Она ощутила, как возрастает ее собственное желание, и в этот момент он вошел в нее волной наслаждения и боли. Не успев сделать и нескольких толчков, Пол содрогнулся всем телом и через секунду уже уткнулся лицом в ее волосы в полном изнеможении.

– Боже мой... Господи... Мэрибет... – шептал он, постепенно возвращаясь на землю и глядя в ее лицо.

Она смотрела на него с ужасом, не веря в то, что они совершили. Пол мягко прикоснулся к ее лицу.

– Господи, Мэрибет, прости меня... Ты была девочкой... но я ничего не мог поделать с собой... Ты такая красивая, и я так тебя хотел... прости, детка... – покаянно бормотал он.

– Ничего, – ответила она с неожиданным спокойствием. Пол осторожно извлек орудие своей страсти, чувствуя новую волну возбуждения, но не решаясь просить ее о повторении.

Потом он, подобно фокуснику, вытащил откуда-то из-под сиденья полотенце и помог ей привести себя в порядок, невзирая на ее смущение, которое она тщетно пыталась скрыть.

Затем он основательно приложился к бутылке джина и снова предложил ей выпить; на этот раз Мэрибет не отказывалась, мысленно задавая себе вопрос за вопросом. Не первый ли глоток спиртного заставил ее уступить? Влюблена ли она в него? Или он в нее? И что – она теперь будет его настоящей подругой?

– Ты просто потрясающая, – сказал Пол, снова целуя ее и крепче прижимая к себе. – Прости, что это произошло здесь, в такой неподходящей обстановке. В следующий раз будет лучше, обещаю тебе. Мои родители на пару недель уедут к родственникам, и ты сможешь приходить ко мне домой.

Полу совершенно не приходило в голову, что Мэрибет может не захотеть продолжения этого вечера. Он не сомневался, что ей хотелось еще, и он был отчасти прав, однако Мэрибет была совсем не уверена в своих чувствах. Всего за несколько минут мир для нее перевернулся.

– А у вас с Дебби... тоже было?

Еще не договорив, она поняла, что это был глупый вопрос. Он посмотрел на нее с улыбкой, как умудренный опытом старший брат.

– Ты ведь еще совсем девочка? Кстати, сколько тебе лет?

– Две недели назад мне исполнилось шестнадцать.

– Ну что ж, теперь ты совсем большая.

Увидев, что она дрожит, он снял пиджак и накинул ей на плечи. Только сейчас до нее дошел весь смысл происшедшего. И она рискнула задать ему страшно важный вопрос:

– А я могу забеременеть?

Одна мысль об этом привела Мэрибет в ужас. Она совершенно не подозревала о том, как сильно рискует.

Правда, его уверенный вид немного успокоил ее.

– Не думаю, – пожал плечами Пол. – С первого раза это бывает редко. То есть, конечно, может случиться всякое... но ты не забеременеешь, Мэрибет. А в следующий раз я буду осторожен.

Она не знала, что значит быть осторожным, но прекрасно понимала, что должна быть осторожной сама, если за сегодняшним вечером последует какое-то продолжение. А это вполне могло случиться – ведь теперь она станет его подругой, а если он занимался этим с Дебби Флауэрс, то будет ждать этого и от нее. Значит, она должна подумать о том, как обезопасить себя.

Чего Мэрибет совершенно сейчас не хотелось, так это ребенка. Даже само предположение о возможной беременности заставляло ее содрогаться от ужаса. И ее совершенно не привлекала перспектива поспешного брака, прикрывающего грех, как у двух ее теток. Она вдруг вспомнила все истории, которые рассказывал ее отец.

– А если я беременна, как я узнаю об этом? – бесхитростно спросила она, пока Пол заводил машину. Он посмотрел на нее с нескрываемым удивлением, поражаясь ее невинности. Весь вечер она казалась ему весьма взрослой.

– А разве ты не знаешь? – ошеломленно спросил он, и Мэрибет, как всегда, честно покачала головой. – У тебя месячные не наступят.

Мэрибет кивнула, смутившись оттого, что говорит с мальчиком на такие темы. Правда, его слова все равно ничего не прояснили, но дальше расспрашивать она не решилась, подумав, что он сочтет ее совсем глупой.

На обратном пути Пол не проронил ни слова; остановившись перед ее домом, он быстро огляделся по сторонам и поцеловал ее.

– Спасибо тебе, Мэрибет. У меня был замечательный вечер.

Мэрибет больно кольнуло то, как легко потеря невинности в его устах превратилась в «замечательный вечер». Впрочем, она понимала, что не имеет права ожидать от него большего. Она виновата во всем сама, она не должна была допускать близость в первый же вечер; и если их отношения продолжатся, это будет означать, что ей повезло. В конце концов, он же сказал ей, что любит ее.

– У меня тоже был замечательный вечер, – немного настороженно ответила она и с надеждой продолжила: – Увидимся в школе.

Протянув Полу его пиджак, она заспешила к дому. Дверь была открыта. До полуночи оставалось две минуты. Мэрибет была рада тому, что все уже спали – ей не нужно было ничего объяснять и отвечать на вопросы.

Никогда в жизни она не мылась столь тщательно. Потом, еле сдерживая слезы, она застирала испачканный подол платья и повесила его сушиться. Она уже придумала, как объяснит матери случившееся – мол, на юбку пролили пунш или кого-то вырвало.

Вся дрожа, Мэрибет быстро надела ночную рубашку и проскользнула в спальню, которую делила со своей сестрой. Лежа в полной темноте, Мэрибет раздумывала о том, что произошло.

Может быть, успокаивала она себя, это начало серьезных отношений. Но она отнюдь не была уверена в том, так ли это и насколько серьезно относится к ней Пол Браун. Честно говоря, Мэрибет не склонна была принимать на веру все его слова. Она надеялась на это, но слишком уж часто ей приходилось слышать про девочек, которых ребята заставляли переспать с ними и после этого сразу же бросали.

Но Пол-то ее не принуждал к этому, и это удивляло Мэрибет больше всего. Ей самой хотелось заниматься с ним любовью. Она начала желать этого после первого же его прикосновения. И она не жалела о случившемся – просто была напугана своим первым опытом.

Этой ночью она почти не спала, холодея от ужаса и молясь о том, чтобы не забеременеть.

Утром, за завтраком, мама спросила ее, хорошо ли она провела время на школьном балу, и она сказала, что было весело. Мэрибет несколько удивляло, что никто из ее домашних ничего не заподозрил, не заметил в ней больших перемен, хотя ей казалось, что она после вчерашнего вечера стала совсем другим человеком.

Она выросла, стала женщиной, она сделала *это*, занималась сексом с самым видным парнем во всей школе. То, что ее нового состояния никто не замечал, было просто невероятно.

У Райана в это утро было плохое настроение, Ноэль поссорилась с матерью из-за какой-то мелочи. Отец, несмотря на субботний день, уехал в свою мастерскую, а мама сказала, что у нее болит голова.

Каждый из ее домочадцев жил своей жизнью, и никто не видел, что Мэрибет из куколки превратилась в бабочку, став Золушкой для своего Прекрасного Принца.

Она парила, как на крыльях, до понедельника, когда ей пришлось резко спуститься с небес на землю – по дороге в школу она увидела Пола в обнимку с Дебби Флауэрс.

А на переменах все уже сплетничали об этой парочке. Они с Дебби поссорились и решили расстаться, потому что кто-то сказал Дебби о том, что Пола видели с какой-то другой, никому не известной девочкой. Дебби устроила сцену, но в воскресенье они благополучно помирились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.